

На правах рукописи

Берлов Артур Валерьевич

**РОССИЙСКАЯ АГРАРНО-НАУЧНАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЕВРОПЕ
(1922–1939 гг.)**

Специальность 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертация на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Москва – 2021

Диссертация выполнена на 13 кафедре (истории) федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации.

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Минеева Елена Константиновна

Официальные оппоненты: **Бикейкин Евгений Николаевич,**
доктор исторических наук, доцент, государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», заместитель директора - ученый секретарь

Гончарова Ирина Валентиновна,
доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина», ректорат, и. о. проректора по международным связям и профориентационной работе

Ковалев Дмитрий Владимирович,
доктор исторических наук, профессор, государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», кафедра отечественной и всеобщей истории и муниципального управления, заведующий

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН), г. Москва

Защита состоится 8 октября 2021 г. в 10.00 часов на заседании объединённого диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 99.2.053.02, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Марийский государственный университет» по адресу 428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 (учебный корпус № 3), зал заседаний ученого совета, к. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова по адресу: 428034, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 и на сайте www.chuvsu.ru.

Автореферат разослан 8 июля 2021 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

Данилов Андрей Анатольевич

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется значимостью идей российской аграрно-научной эмиграции в Европе в 1920–1930-е гг. для развития сельскохозяйственного производства в национальном и мировом масштабе. Очевидное превосходство отечественной аграрной мысли, сформировавшейся в самой крупной крестьянской стране мира в период острого земельного кризиса, позволило видным русским учёным занять свою особую нишу в исследованиях и преподавании в Европе. В ходе институционализации российских научных центров происходило их органическое включение в общеевропейский научный процесс, формировалось новое знание, которое проходило практическую апробацию в сельском хозяйстве зарубежных стран и выступало идейной альтернативой большевистской модернизации села.

Уникальные мысли и открытия русских экспертов-аграрников не утратили своей актуальности и по-прежнему способны придать необходимую динамику модернизации современной российской деревни, способствовать интенсификации сельскохозяйственного производства и обеспечению продовольственной безопасности страны. Особый интерес в творческом наследии российской аграрно-научной эмиграции представляют альтернативные программы (например, неонароднические), выходящие за рамки уже известного мировой практике опыта развития сельского хозяйства. К их числу относится концепция трудового крестьянского хозяйства, ставшая базой для зрелой теории аграрной кооперации. Возвращение к идеям ученых-эмигрантов 1920–1930-х гг. может помочь в выработке общей стратегии аграрной политики государства, способствовать структурной перестройке отдельных предприятий агропродовольственного комплекса, укреплению фермерских хозяйств, созданию на селе среднего класса – социальной опоры страны.

Поднятые в диссертации проблемы научной эмиграции остро ставят актуальный для российской действительности вопрос о необходимости предотвращения опасной «утечки умов», потери квалифицированных специалистов, способных принести ощутимую пользу Родине, а также создания благоприятных условий для работы российских учёных в России.

Введение санкций и попытки экономического сдерживания России дополнительно актуализировали проблему преодоления зависимости от поставок зарубежной сельскохозяйственной продукции и оборудования. Курс на импортозамещение открыл новые возможности для российских фермерских хозяйств, аграрных предприятий малого и среднего бизнеса, создал благоприятные условия для работы отечественных специалистов агропромышленного комплекса.

Объектом исследования является российская аграрно-научная эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг., представлявшая собой сообщество русских учёных, локализованных в отдельных европейских центрах науки и образования (Берлин, Париж, Прага, София и др.), объединённых общим интересом к развитию сельского хозяйства в Советской России, а также в странах проживания.

Предмет исследования – подходы русских учёных-эмигрантов к решению аграрного вопроса в России, их взгляды на процесс взаимодействия власти и крестьянства, дальнейшее развитие сельского хозяйства в СССР.

Хронологические рамки диссертации охватывают период 1922–1939 гг. – время институционализации академических школ российской аграрно-научной эмиграции в Европе.

Завершение Гражданской войны и обращение к НЭПу не упразднили совокупность противоречий между советским правительством и русскими учёными, искавшими альтернативные пути развития сельскохозяйственного сектора в России. В числе первых в июне 1922 г. за рубеж были направлены видные представители российской аграрной мысли С. Н. Прокопович с его супругой Е. Д. Кусковой. Увеличение идеологических расхождений между большевиками и подобными учёными вызвало масштабную высылку за границу инакомыслящих профессоров, а также педагогов в осеннее время 1922 г. В период 1920–1930-х гг. многие известные российские эксперты-аграрники возобновили научную и педагогическую деятельность в крупных академических центрах Европы. Обстановка для интеллектуального труда и самой жизни русских эмигрантов решительным образом изменилась в связи с началом Второй мировой войны, в частности оккупацией фашистской Германией Чехословакии (март 1939 г.) и Польши (сентябрь 1939 г.), что позволяет ограничить хронологические рамки диссертации 1939-м г.

Территориальные рамки работы обусловлены спецификой темы и определяются границами формирования наиболее крупных центров российской аграрно-научной эмиграции в Западной и Восточной Европе. Основное внимание соискатель акцентирует на деятельности влиятельных русских научных школ в столицах европейских стран (Белграде, Берлине, Париже, Праге, Софии и др.). Выбор места проживания русских учёных определялся комплексом факторов, в числе которых – близость крупных университетских центров в Европе, наличие связей с представителями европейской аграрной мысли, доступность аренды либо покупки жилья, лояльность местных органов власти. Часто география расселения российских учёных определялась удобным месторасположением и доступностью экспериментальной базы, например, частных хозяйств, посевных угодий, животноводческих ферм или виноградников.

Степень научной разработанности проблемы. Отечественная историография исследования русской аграрно-научной эмиграции в Европе хронологически делится на советский (1922–1991 гг.) и постсоветский (1991 г. – настоящее время) периоды, в каждом из которых прослеживаются отдельные этапы, различающиеся по характеру и степени интенсивности научной разработки проблемы.

В *советское время* беспристрастному научному изучению этой проблемы препятствовала официально-служебная идеология и общественно-политическая конъюнктура, воспринимавшие эмигрантское сообщество в качестве антагониста. Научные идеи русских аграрников, оказавшихся в эмиграции, противоречили взглядам лидеров большевиков на индивидуальное крестьянское хозяйство и кооперацию. По этой причине в советской историографии было принято отрицательно изображать покинувших государство учёных, а их мысли анализировать в контексте реваншистских проектов «белоэмигрантов».

Ситуацию в науке отчасти изменили идеологические перемены, последовавшие за XX съездом партии, однако коренной перелом в историографии произошёл только на рубеже 1980–1990-х гг. В *постсоветской России* возросший интерес к идеям аграрной эмиграции был связан с поиском новых немарксистских подходов к изучению истории. Исследование креативного наследия русских учёных-эмигрантов позволило с опорой на свежий материал, а также новую теоретическую основу выдвинуть на более высокий уровень классические дискуссии о путях дальнейшего формирования русского села. Однако основательной академической работы, совокупно освещавшей основные тенденции эмигрантской аграрной мысли, ни в отечественной, ни в зарубежной историографии создано не было. Историки концентрировали интерес или на суждениях единичных учёных, или на определённых нюансах формирования русских научных школ за границей.

Таким образом, творчество российских учёных-аграрников 1920–1930-х гг. в эмиграции находится в первоначальной стадии академического осмысления и историографического исследования.

Целью работы является комплексное исследование институционализации русских центров аграрной науки в Европе и деятельности учёных российской эмиграции 1920–1930-х гг. в контексте поиска альтернатив теории и практики решения крестьянского вопроса в СССР.

Избранная цель диссертации предопределила постановку и необходимость решения следующих исследовательских **задач**:

- показать уровень и глубину освещения проблемы российской аграрно-научной эмиграции в Европе в 1920–1930-е гг. в отечественной и зарубежной историографии;

- систематизировать и комплексно охарактеризовать массив источников по теме исследования;
- выявить основные теоретические и методологические подходы исторической науки к исследованию российской аграрно-научной эмиграции в Европе;
- углубить и скорректировать существующие научные представления о процессе формирования и развития центров российской аграрно-научной эмиграции в Европе в 1920–1930-е гг.;
- показать географию расселения, особенности адаптации и численность русских учёных в странах Европы;
- исследовать вклад учёных русской эмиграции в развитие европейской аграрной мысли, а также особенности их интеграции в европейское научное сообщество;
- с опорой на комплекс документов рассмотреть тенденции и противоречия развития либеральной школы российской аграрной науки в эмиграции;
- обнаружить характерные черты представлений либеральных экономистов русской эмиграции на формирование личного крестьянского хозяйства;
- проанализировать либеральные оценки колхозного строительства и судьбы русского крестьянства в Советской России;
- показать сложный и противоречивый процесс идейной эволюции неонароднической школы российской аграрной науки в эмиграции в 1920–1930-е гг.;
- исследовать взгляды неонародников на проблемы кооперативного движения крестьян;
- сравнить суждения экспертов разных течений русской эмигрантской мысли о формировании индивидуального крестьянского двора, корпоративного хозяйства, а также участи русского крестьянства.

Источниковая база исследования детально проанализирована во втором параграфе первой главы диссертации.

Основой источниковой базы являются материалы центральных архивов, впервые вводимые в научный оборот. Автором использованы данные из 3 ведущих российских архивохранилищ. Неопубликованные материалы собраны в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Знакомство с документами личных фондов позволило проанализировать идеи и взгляды русских учёных, понять линии взаимодействия между различными центрами научной эмиграции в Европе.

В опубликованных сборниках документов отражена общая история

русского изгнания и судьба отдельных учёных-аграриев, продолживших свои разработки за рубежом. Ценным источником являются опубликованные речи и статьи политических деятелей Советской России, публикации стенограмм заседаний партийных пленумов, которые показывают процесс выработки властью новой политики по отношению к крестьянству. Ещё одним видом источниковой базы является эпистолярное наследие. Анализ переписки русских мыслителей позволяет установить характер связей между различными научными центрами, понять отношение учёных к местной власти и аграрному курсу большевиков.

Отдельным видом источников являются труды русских учёных-эмигрантов, часть из которых была опубликована уже после смерти авторов. Многие работы, проанализированные в диссертации, ранее не привлекали внимания исследователей и не становились предметом глубокого всестороннего исследования. Дополнительным источником информации о развитии русской аграрной науки в Европе является мемуарная литература, несущая субъективные оценки событий, происходивших в 1920–1930-е гг. Ценным, хотя и не всегда объективным источником сведений о развитии аграрной мысли эмиграции, является периодическая печать. Автором проанализированы материалы более двадцати эмигрантских газет, в которых отражены сведения о научной деятельности и политической позиции русских учёных.

В целом, массив документов, привлечённых к научному анализу, позволил решить поставленные в диссертации задачи, воссоздать целостную картину формирования и развития аграрной мысли русского зарубежья.

Научная новизна диссертационной работы заключается в уникальном авторском подходе к изучению процесса институционализации русских центров аграрной науки в Европе и эволюции взглядов отечественных мыслителей-эмигрантов в 1920–1930-е гг.

Оригинальность замысла автора состоит в переоценке научной значимости работ русских учёных, которые долгое время не получали признания в своей стране.

В диссертации впервые поставлены и решены следующие вопросы отечественной истории:

Сопоставлены либеральные и неонароднические идеи русской эмиграции, представлявшие два различных направления альтернативной немарксистской аграрной мысли. С опорой на новый материал автор показывает, что по степени ожесточения полемика внутри эмигрантского научного сообщества порой превосходила их противостояние с Советской властью.

Проведён сравнительный анализ (сопоставление) общественно-политических условий в различных европейских странах, в которых происходило формирование русских аграрно-научных школ в 1920–1930-е гг. Проанализировано влияние политической среды и общественных настроений в странах проживания на идейную направленность творчества русских учёных.

В научный оборот впервые введён ряд новых документов центральных архивов¹, в частности, материалы личных фондов², которые показывают переосмысление учёными исторического опыта решения аграрного вопроса в России, особенности их взглядов на судьбу русского крестьянства, обоснование аграрного будущего России.

Указанные положения соответствуют пунктам паспорта научной специальности 5.6.1. Отечественная история (исторические науки) ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, касающимся научной периодизации истории России, социально-экономической политики Российского государства и её реализации на различных этапах его развития, истории экономического развития России, её регионов.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в постановке и разработке важной проблемы отечественной истории, не получившей должного освещения в трудах других исследователей. Соискателем создана оригинальная историко-теоретическая концепция развития российской аграрно-научной эмиграции в Европе в 1920–1930-е гг. Собран и проанализирован значительный фактический материал, представляющий научную ценность для специалистов в области аграрной истории России. В рамках собственной концепции автор сопоставляет взгляды учёных-эмигрантов либерального и неонароднического направления по вопросам организации частного крестьянского двора, сельскохозяйственной кооперации, работы фермерских хозяйств, выявляя научный потенциал и практическую значимость предложенных идей для европейского аграрного сектора исследуемого периода.

Практическая значимость диссертации заключается, прежде всего, в возможности использования материалов при создании учебников и учебных пособий по истории, в научной и учебно-методической работе, при подготовке монографий и обобщающих трудов, при разработке спецкурсов и семинаров по проблемам эмиграции, взаимодействия

¹ См., напр.: ГАРФ. Ф. 10017 – Коллекция документов личного происхождения и документов эмигрантских учреждений и организаций.

² См., напр.: ГАРФ. Ф. 4653 – Пешехонов А. В., Ф. 5865 – Кускова Е. Д., Ф. 5902 – Прокопович С. Н., Ф. 579 – Милюков П. Н., Ф. 5790 – Иванцов Д. Н., Ф. 6532 – Маракуев С. В. и др.

научных школ в рамках европейского культурного пространства. Значительные потенциальные возможности содержит созданная соискателем теоретическая база, позволяющая предложить ряд новых идей в организации и развитии современных фермерских хозяйств России и других стран мира.

Практическую значимость имеет также современное переосмысление автором ряда уникальных идей учёных-эмигрантов в области организации индивидуальных фермерских хозяйств, логистики произведённой сельскохозяйственной продукции, сбытовой кооперации частных дворов, способных найти своё воплощение в аграрном секторе России в ближайшие десятилетия. В диссертации сопоставлены различные программы решения аграрного вопроса в России (и других странах мира), разработанные отечественными учёными, оказавшимися после революции в вынужденной эмиграции в различных европейских государствах. Оригинальность концептуального замысла исследователя состоит в том, что эволюция взглядов русских учёных на развитие крестьянских хозяйств показана на фоне аграрных преобразований советской власти, в корне изменивших облик русской деревни. Таким образом, в диссертации проанализированы несостоявшиеся альтернативы и нереализованные модели развития аграрного сектора России, невостребованные большевиками в решающий период социально-экономической модернизации страны в 1920–1930-е гг.

Методология и методы исследования детально проанализированы в третьем параграфе первой главы диссертации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Оказавшись в силу объективных причин вдали от Родины, в трудных экономических условиях, в отрыве от отечественной науки, русские учёные в Европе не только остались хранителями дореволюционных научных традиций, но смогли предложить ряд новых теоретических разработок, заметно опережавших своё время. Значимость их идей велика хотя бы потому, что они создавались в условиях свободы слова и печати, не ограниченной советской цензурой, в надежде на внедрение их в дальнейшем в освобождённой от большевизма России;

2. Наиболее благоприятная среда для развития эмигрантской науки сложилась в Германии и Франции, а также в аграрных странах Восточной Европы, где были чрезвычайно востребованы русские специалисты;

3. При общей озабоченности дальнейшим развитием сельского хозяйства Советской России представители либеральной и неонароднической школ принципиально расходились в оценках уровня экономического формирования села, степени социального единства и разобщённости деревни, особенностей общинного самосознания крестьянства;

4. В соответствии со своими представлениями о будущем России либералы и неонародники предлагали различные методы решения аграрных проблем. Во-первых, представители неонароднической школы связывали возможности самоорганизации крестьянства с традициями русской общины. Во-вторых, теоретики русского либерализма верили в силу рыночной стихии, которая способна без директивного вмешательства власти организовать и усовершенствовать экономическую систему российской деревни;

5. Учёные-экономисты либерального направления, несмотря на признание препятствования со стороны организации производства в рамках семейно-трудового хозяйства базовым основам развития капитализма в деревне, всё равно отдавали ему предпочтение из-за наличия большей свободы хозяйственной деятельности. Данные симпатии экономистов либеральных взглядов к частному крестьянскому хозяйству удивительным образом сочетаются с признанием его общей технической отсталости и консервативного характера организации трудовой деятельности;

6. Представители неонароднической школы делали акцент на некапиталистическую природу крестьянского хозяйства, подчёркивая зависимость экономического поведения крестьянства от размеров семьи, удалённости рынка, географического расположения хозяйства, уровня общей культуры и образования;

7. Главным научным достижением деятельности учёных русской эмиграции является сравнительный анализ на основе большого статистического материала моделей производственной деятельности крестьянского двора стран Западной и Восточной Европы и семейно-трудового хозяйства России;

8. Именно принцип отказа от эксплуатации и добровольного сложения хозяйственных усилий крестьян был положен в основу экономической модели, которую учёные неонароднической школы противопоставляли развивавшемуся на Западе капитализму и практике победившего в России марксизма;

9. Закат русской аграрной мысли в эмиграции в конце 1930-х гг. связан не только с изменением политической ситуации в предвоенной Европе, но и с завершением большевистской модернизации села, волевой реализацией программы тотальной коллективизации, не имевшей ничего общего с концептуальными взглядами учёных-эмигрантов.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов исследования обеспечена репрезентативностью источниковой базы, аргументированностью сделанных выводов, соблюдением научных принципов и применением специальных методов исторического исследования.

Основные положения диссертации были изложены автором в докладах и сообщениях на 32 научных конференциях международного, всероссийского и регионального масштаба в 2010–2020 гг., в т.ч. 4 сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, а также VIII Всероссийской (XVI региональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. По результатам исследования были опубликованы 49 научных работ, в том числе: 2 монографии, 24 статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях, определённых ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, 2 из которых включены в международную базу данных Scopus. Всего по теме работы опубликованы материалы общим объёмом 39,6 п.л.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и состоит из Введения, четырёх глав, Заключения и списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, определены цель и задачи, объект и предмет, территориальные и хронологические границы работы, проанализирована степень изученности проблемы, дана характеристика источниковой базы, показаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся положения, выносимые на защиту, сведения о достоверности, методологии и апробации работы.

В **первой главе «Историография, источники и теоретико-методологические основы исследования аграрно-научной эмиграции в Европе в 1920–1930-е гг.»** проведен детальный анализ историографии, систематизирована источниковая база диссертации, показаны теоретико-методологические основы исследования научной проблемы.

В *первом параграфе «Историография проблемы»* обобщён и проанализирован предшествующий опыт научного исследования аграрно-научной эмиграции в отечественной и зарубежной литературе, при этом автор стремился систематизировать работы не только по проблемно-хронологическому принципу, но и по признакам идеологической загруженности, выявлять влияние на исследователей антагонистических концепций, показывать борьбу взглядов учёных разных направлений.

В целом, проблематика российской эмиграции достаточно основательно изучена в историографии, особенно постсоветского периода, чего нельзя сказать об узком аспекте заявленной темы – деятельности русских учёных-аграриев в европейских странах в 1920–1930-х гг. Эти

вопросы отчасти изучались в работах эмигрантских¹, советских², современных российских³ и зарубежных⁴ учёных, однако как целостная проблема в историографии еще не освещались.

Отечественная историография исследования русской аграрно-научной эмиграции в Европе хронологически делится на *советский* (1922–1991 гг.) и *постсоветский* (1991 г. – настоящее время) периоды, в каждом из которых прослеживаются отдельные этапы, различающиеся по характеру и степени интенсивности научной разработки проблемы.

Для историографии советского периода характерны идеологическое и методологическое единообразие, опора на труды и концепции классиков марксизма-ленинизма. Отношение власти и ведущих советских историков к эмигрантам, особенно выступавшим с альтернативными аграрными теориями, было предельно негативным, что не позволило создать массив объективных исследований по проблеме⁵. Работы советского периода несли определённую идеологически выдержанную смысловую нагрузку, их проблематика была в большей степени узка и ограничена изучением преимущественно политических аспектов жизни русских беженцев.

В 1920-е гг. в советской историографии господствовал тезис о том, что белоэмигрантские учёные «грубо извращают» опыт партии в решении аграрного вопроса, пытаются «ослабить все возрастающее влияние» в мире идей марксизма-ленинизма, подрывают социально-политическое и

¹ См.: Керенский А. Ф. Издалека (1920–1921 г.) : Сб. ст. Париж, 1922. 249 с.; Ильин И. А. Родина и мы. Белград, 1926. 16 с.; Милюков П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926. 136 с.; Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. 367 с.

² См.: Иванов А. Р. Обзор российских контрреволюционных сил за рубежом // Историография российской аграрной научной мысли в русском зарубежье 1920–1930-х гг. : Сб. науч. тр. М., 1957. С. 72–78.; Власов М. Е. Критика буржуазных фальсификаций истории социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства в СССР. Ворошиловград, 1972. 32 с.

³ См.: Кривицкий С. И. Аграрный вопрос в работах С. Н. Прокоповича. М., 2002. 56 с.; Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: человек и эпоха. М., 2004. 160 с.; Галас М. Л. Судьба и творчество русских экономистов-аграрников и общественно-политических деятелей А. Н. Челинцева и Н. П. Макарова. М., 2007. 241 с.; Димони Т. М., Виноградов И. А. Политическая деятельность С. С. Маслова. М., 2007. 145 с.; Егоров Ю. Н. Эволюция российской экономической науки в трудах ученых Русского Зарубежья : традиции и новаторство: автореф. дис. ... д-ра эконом. наук. М., 2009. 46 с.

⁴ Rimscha H. Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration, 1917–1921. Jena, 1924. 213 s.; Simpson J. H. The Refugee Problem : Report of a Survey. Toronto, 1939. 367 p.; Hansson M. Fluktningeproblemet og Folkeforbundet. Foredrag I Nobelintuttet 7 Januar, 1937. Oslo, 1937. 225 s.; Walters F. P A History of the League of Nations. London, N-Y., 1967. P. 883; Шанин Т. Неформальная экономика : Россия и мир. М., 1999. 576 с.

⁵ Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. 320 с.; Комин В. В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977. 119 с.; Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. 3-е изд. М., 1987. 236 с. и др.

идейное единство советского общества. В связи с этим критика учёных-эмигрантов по аграрному вопросу являлась одной из важнейших задач советских исследователей, которые вели непрерывную борьбу с «буржуазными и ревизионистскими» концепциями аграрной политики¹.

Ставка теоретиков русской аграрно-научной эмиграции на зажиточное крестьянство и справных хозяев противоречила официальному курсу большевиков на ликвидацию кулачества как класса. После выхода в 1938 г. «Краткого курса» истории ВКП(б), наряду с критикой «мелкобуржуазных теорий» и «народнических фальсификаций»², в историографии прочно укрепилась мысль о своевременности и подготовленности аграрных преобразований советской власти. Предлагаемая «белоэмигрантами» альтернатива оценивалась как опасный путь реванша буржуазных сил, направленных против действующей партии и российского крестьянства³. Понятие «мелкобуржуазная лженаука» прочно закрепилось в работах А. Р. Иванова, М. Е. Власова, М. А. Колыванова⁴.

Эволюция взглядов советских историков происходила не только под влиянием идеологии, но и под воздействием внешних по отношению к науке факторов – политических изменений в СССР. Так, после смерти И. В. Сталина заметное влияние на аграрную науку в стране оказали новаторские идеи Г. М. Маленкова: он впервые за долгие десятилетия предложил повысить уровень жизни крестьянства, улучшить быт советской деревни и сократить разрыв между городом и селом. Советские историки, критиковавшие «эмигрантов-фальсификаторов», встречали аналогичные идеи в запрещённых трудах А. Н. Анцыферова, Б. Д. Бруцкуса, С. Н. Прокоповича, А. В. Чаянова, А. Н. Челинцева. Однако авторы по-прежнему не признавали вклад учёных-эмигрантов в развитие теории и практики аграрного производства, «не замечали» очевидные

¹ *Быстрянский В.* Рабоче-крестьянская революция в России в оценке буржуазной публицистики. Пг., 1919. 79 с.; *Пионтковский С.* Обзор литературы по истории пролетарской революции // Печать и революция. 1923. №. 2. С. 99–107; *Азизян А. К.* Для чего нужна крестьянину индустриализация страны. М., Л., 1929. 112 с.; *Варейкис И.* О сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Воронеж, 1930. 122 с.; *Яковлев Я. А.* О колхозном и совхозном строительстве. М., 1931. 128 с.

² История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) : Краткий курс. М., 1946. 352 с.

³ *Полозов В. А.* Критика буржуазных фальсификаций истории советского крестьянства. М., 1938. 192 с.; *Степанов А. А.* Разгром белоэмигрантской теории. М., 1947. 62 с.

⁴ *Иванов А. Р.* Обзор российских контрреволюционных сил за рубежом // Новый исторический вестник. М., 1957. С. 72–78; *Власов М. Е.* Критика буржуазных фальсификаций истории социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства в СССР. Ворошиловград, 1972. 32 с.; *Колыванов М. А.* Мелкобуржуазные идеи белой эмиграции. М., 1956. 129 с.

сельскохозяйственные достижения стран, перенявших аграрный опыт дореволюционной России.

В эмигрантской историографии этого периода предпринимались отдельные попытки проанализировать опыт работы русских мыслителей в изгнании, однако так и не удалось воссоздать целостную картину деятельности русских аграрно-научных центров в Европе¹. Комплексному изучению проблемы мешала не только малая численность учёных, но и заведомо предвзятый подход, непримиримость к советской науке и практике сельскохозяйственного развития.

Известное влияние на ситуацию в советской историографии оказали идеологические перемены, последовавшие за XX съездом партии, в частности учёные впервые поставили чуждую советской исторической науке проблему материальной заинтересованности крестьянства². Признавая появление новаторских взглядов на аграрную науку, в частности у В. П. Данилова, И. Е. Зеленина, Ю. А. Мошкова, автор отмечает, что магистральным направлением в советской историографии по-прежнему оставалась непримиримая критика эмигрантских «буржуазных» теорий³.

К началу 1970-х гг. в советской историографии утвердилась мысль о том, что русская эмиграция оказалась не способна объективно исследовать и оценить масштабные преобразования советской деревни⁴. Жёсткой критике подвергся эмигрантский взгляд на кулацкие хозяйства и частную инициативу в годы НЭПа⁵. Научное изучение темы было затруднено ещё и

¹ Новиков М. Русские эмигранты в Праге // Новый журнал. 1957. Кн. XLIX. 253 с.

² Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957. 451 с.; Зеленин И. Е. Совхозы СССР. М., 1969. 277 с.

³ См.: Шарапов Г. В. Против извращений истории аграрных преобразований в первые годы советской власти в современной буржуазной историографии // Вопросы истории. 1959. № 7. С. 23–37; Фигуровская Н. К. Разгром буржуазных и мелкобуржуазных аграрных теорий в СССР в 1917–1930 гг. М., 1961. 16 с.; Шарапов Г. В. Социалистический путь разрешения аграрно-крестьянского вопроса и буржуазная историография. М., 1966. 233 с.

⁴ Порицкий В. А. Против фальсификации аграрной программы большевиков в буржуазной историографии // Вестник Московского университета. 1971. № 2. С. 47–58; Петров А. П. Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях. М., 1973. 276 с.

⁵ Придворова Т. П. Новая экономическая политика в оценке буржуазных авторов // Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972. С. 146–182; Ханин М. А. Против извращения буржуазной историографией аграрной политики КПСС в 1917–1920 гг. // Партия во главе творческой активности трудящихся масс, вып. 8. Ярославль, 1976. С. 62–79; Климин И. И. Критика буржуазной историографии аграрной политики КПСС (1917–1980 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1984. 36 с.; Комин В. В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калининград, 1977. 119 с.; Мухачев Ю. В. «Новая тактика» российской

тем, что эмигрантские архивные документы в научный оборот введены не были. Значительно легче исследовать научное наследие эмиграции было русским учёным, проживавшим за рубежом¹.

В конце 1970-х – 1980-е гг. происходит интенсификация историографического процесса, что нашло своё отражение не только в количестве выпускаемой научной литературы, но и в разработке новых методов исторического поиска, повышении теоретического и методологического уровня научных работ. Классическая оценка мелкобуржуазной сути сельскохозяйственных идей русской эмиграции² начинает чередоваться с искренней заинтересованностью к их творческому наследию (вплоть до идеализации), особенно после реабилитации учёных в июле 1987 г.³

Коренной перелом в историографии произошёл на рубеже 1980–1990-х гг., распад СССР привел к смене научной парадигмы.⁴ Учёные старались компенсировать десятилетия невнимания к истории эмиграции,⁵ проявляли повышенный интерес к расстановке политических сил в русском зарубежье⁶. В научный оборот были введены новые пласты архивного материала, широко использовались мемуарные источники, что позволило с опорой на уникальные документы переосмыслить деятельность русских учёных в различных европейских странах⁷. Данная

контрреволюции и её провал. 1920–1922 // Исторические записки. М., 1977. Т. 99. С. 137–149.

¹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека. Париж, 1971. 347 с.

² Гинев В. Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. Л., 1973. 189 с.; Барихновский Г. В. Идеино-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). Л., 1978. 262 с.; Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1981. 98 с.; Мухачев Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. 216 с.

³ Базяин В. Н. Профессор Александр Чаянов. 1888–1937 гг. М., 1990. 79 с.; Ефимкин А. П. Дважды реабилитированные : Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский. М., 1991. 93 с.

⁴ См.: Черниговский М. З. Крестьянский вопрос в истории экономической мысли России и русского зарубежья: первая треть XX в. СПб., 1995. 18 с.; Дмитриев А. Л. Экономические воззрения П. Б. Струве. СПб., 1998. 18 с.

⁵ Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. 398 с.; Раев М. Россия за рубежом. М., 1994. 292 с.

⁶ Глебова Л. И. Политическая деятельность кадетов в период эмиграции (20-е гг.). М., 1994. 31 с.; Александров С. А. Общественно-политическая деятельность П. Н. Милюкова в эмиграции (20-е гг.). М., 1995. 28 с.; Онегина С. В. Пореволуционные политические движения российской эмиграции 1925–1945 гг. Варианты российской государственной доктрины. М., 1997. 27 с.; Баскаков О. О. Идеология русской монархической эмиграции 20-х – 30-х гг. XX в. М., 1999. 24 с.

⁷ Серапионова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е гг.). М., 1995. 196 с.; Русская эмиграция в Европе (20-е – 30-е гг. XX в.). М., 1996. 268 с.; Савицкий И. Прага и зарубежная Россия (очерки по истории русской эмиграции

проблематика интересовала и зарубежных специалистов¹. Отдельные вопросы размещения русских аграрно-научных центров в Европе рассматривались в рамках исторической регионалистики².

Реформы постсоветской экономики придали новый импульс изучению рыночных идей учёных-аграриев русской эмиграции³. Однако в большинстве работ акцент делался на каком-то одном аспекте идей российских аграрников: кооперативном движении, семейно-трудовом хозяйстве, истории товарно-денежных отношений в деревне и т.д.⁴ К этому времени в историографии утвердились представления о деятельности русской эмиграции как особой миссии, служении ярких представителей русского мира идее сохранения России в изгнании⁵.

В постсоветской историографии с опорой на новые источники детально исследовались проблемы социально-экономической, правовой и культурной адаптации беженцев из России, вопросы интеграции и ассимиляции эмигрантов, развития аграрно-научных центров в Европе⁶.

1918–1938 гг.). Прага, 2002. 151 с.; *Аникина Т.* Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии. Прага, 2008. 512 с.

¹ *Менегальдо Е.* Русские в Париже. 1919–1939. Париж, 1998. 248 с.; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах : 1920–1940. М., 2006. 488 с. и др.

² *Пивовар Е. Ю., Герасимов Н. П.* Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х гг. М., 1994. 117 с.; *Ипполитов С. С., Недбаевский В. М., Руденцова Ю. И.* Три столицы изгнания : Константинополь. Берлин. Париж. Центры зарубежной России 1920–1930-х гг. М., 1999. 48 с. и др.

³ Экономическое наследие русского зарубежья. Борис Бруцкус. СПб, 1994. 193 с.; *Дмитриев А. Л.* Экономические воззрения П. Б. Струве. СПб., 1998. 34 с.; *Овчинцева Л. А.* Русские экономисты-аграрники начала XX в. о хозяйственной мотивации крестьян // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., 1993. Вып. 1. С. 87–95; *Ручкин А. Б.* Российское Зарубежье 1920-х гг. Проблема адаптации ученых-эмигрантов на примере экономического кабинета С. Н. Прокоповича. М., 1999. 193 с.

⁴ *Телицын В. Л.* «Первый и единственный» : факты и размышления. Русский Институт сельскохозяйственной кооперации в Праге // Кооперация. Страницы истории. Вып.3. М., 1993. С. 224–248; *Кабанов В. В.* Пути и бездорожье аграрного развития России в XX в. // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 52–67; Кооперация. Страницы истории. Вып. 4. М., 1994. С. 301–314; *Лубков А. В.* Война, революция, кооперация. М., 1997. 176 с.

⁵ Культурная миссия Российского Зарубежья. История и современность. М., 1999. 196 с.; Русское зарубежье. Russia abroad : золотая книга эмиграции : первая треть XX в. : энциклопедический биографический словарь / Отв. ред. Н. И. Канищева. М., 1997. 748 с.

⁶ *Селунская В. М.* Проблема интеграции эмигрантов в российском зарубежье между двумя мировыми войнами в отечественной историографии // Вестник МГУ. Серия 8. 1998. № 1. С. 123–142; *Пивовар Е. И.* Россия в изгнании : Судьбы рос. эмигрантов за рубежом. М., 1999. 453 с.; *Бочарова З. С.* «...Не принявшие иного подданства» : проблемы социально-правовой адаптации российских эмигрантов в 1920–1930-е гг. СПб., 2005. С. 55–59; *Сабурова Л. Н.* Культурно-просветительные организации

Крупными специалистами по данной проблеме зарекомендовали себя З. С. Бочарова¹, Ю. А. Поляков², Э. А. Шулепова³, В. М. Селунская⁴, Ю. В. Бойко⁵, П. М. Полян⁶ и др. В отдельных работах показана география расселения русских учёных-аграриев в различных странах⁷.

Историографию данного периода порой отличает идеализация творчества учёных русской эмиграции: в их идеях видели панацею от всех экономических проблем страны⁸. Непредвзятый анализ вклада русских учёных-эмигрантов в развитие аграрной науки удалось осуществить Э. М. Щагину⁹. В работе Е. С. Постникова показаны колоссальные усилия учёных-эмигрантов по воссозданию за рубежом российской

русской эмиграции в Чехословакии : 1920–1930-е гг. М., 2006. 16 с.; *Куреньшев А. А.* Крестьянские организации Русского Зарубежья (1920–1951 гг.). М., 2008. 178 с.

¹ *Бочарова З. С.* Судьбы российской эмиграции : 1917–1930-е гг. Уфа, 1998. 449 с.

² *Поляков Ю. А.* Адаптация и миграция – важные факторы исторического процесса. М., 1996. 173 с.

³ *Шулепова Э. А.* Русские вне границ России (проблемы правового статуса, трудовой занятости, образования российской эмиграции первой волны). М., 1995. С. 118.

⁴ *Селунская В. М.* Проблема интеграции эмигрантов в российском зарубежье между двумя мировыми войнами в отечественной историографии // Вестник МГУ. Серия 8. 1998. №1. С. 123–142.

⁵ *Бойко Ю. В.* Этническое самосознание и проблемы их социокультурной адаптации за рубежом. М., 1994. С. 97–101; *Бойко Ю. В.* Переписи населения Франции как источник по истории социальной адаптации российской эмиграции. М., 1997. С. 135–147.

⁶ *Полян П. М.* Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. 329 с.; *Полян П. М.* Эмиграция : кто и когда в XX в. покидал Россию. М., 2005. С. 419–512.

⁷ *Козлитин В. Д.* Российская эмиграция в королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 7–19; *Косик В. И.* Русская Югославия : фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 20–32; *Ульянкина Т. И., Александров Д. А.* Русская академическая акция (Прага, Братислава, Мюнхен, Нью-Йорк). М., 1999. С. 252–267; Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940 гг.). М., 2002. 448 с.

⁸ *Димони Т. М., Виноградов И. А.* Политическая деятельность С. С. Маслова. М., 2007. 145 с.; *Протасова О. Л., Пешехонов А. В.* : человек и эпоха. М., 2004. 160 с.; *Кривицкий С. И.* Аграрный вопрос в работах С. Н. Прокоповича. М., 2002. 149 с.; *Галас М. Л.* Судьба и творчество российских экономистов-аграрников и общественных деятелей А. Н. Челинцева и Н. П. Макарова. М., 2007. 233 с.

⁹ *Щагин Э. М.* Противоборство власти и оппозиции по вопросам социалистической реконструкции деревни // Российское государство и общество. XX век. М., 1999. С. 127–156; *Щагин Э. М.* Власть и оппозиция в СССР в конце 20-х – начале 30-х гг. // Власть и общество в России XIX–XX вв. М., 2002. С. 69–82.

образовательной модели, воспитании студенчества в лучших традициях дореволюционной России¹.

Поиск путей реформирования российского села в начале XXI в. повысил интерес научного сообщества к теоретическим изысканиям русской аграрно-научной эмиграции². Появилась возможность создания обзорных работ по историографии проблемы, в том числе по вопросам развития аграрной науки за рубежом³.

В целом, анализ историографии показал, что изучение русской аграрно-научной эмиграции прошло сложный путь от полного замалчивания в первые послереволюционные годы, далее через жёсткую критику в эпоху зрелого социализма, до восторженного признания после распада СССР. Всё это время эмигрантская аграрная мысль рассматривалась сквозь призму идеологии, что мешало объективной оценке идей русских учёных, бескомпромиссно боровшихся с Советской властью. На современном этапе появилась возможность объективного (внеидеологического) освещения аграрных концепций русских мыслителей, разработавших оригинальные пути развития крестьянской России.

Во втором параграфе «Характеристика источниковой базы» систематизирован массив источников по теме исследования, проведена переоценка их подлинности, выявлены субъективные аспекты в мемуарном и эпистолярном наследии русских эмигрантов.

Массив источников разделён автором на следующие группы:

¹ Постников Е. С. Студенчество России и проблемы получения высшего образования в эмиграции // Культурная миссия Российского Зарубежья. История и современность. М., 1999. С. 92–102.

² Ульянкина Т. И. История проекта «Золотая книга русской эмиграции» (Париж–Нью-Йорк) // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2003 г. М., 2003. С. 218–224; Ульянкина Т. И. «Дикая историческая полоса...» Судьбы российской научной эмиграции в Европе. М., 2010. 254 с.; Калинин Е. В. Положение русскоязычного населения в странах Прибалтики в межвоенный период (1918–1939 гг.). М., 2005; Федорова М. С. Либерально-консервативное направление общественно-политической мысли Русского зарубежья 20–40-х гг. XX в. М., 2003; Шеожева З. Х. Из истории аграрно-экономической мысли русского зарубежья 20–30-х гг. : современная оценка // Современные аспекты экономики. 2002. № 13 (26). С. 34–51; Пронин А. А. Аграрно-экономическая мысль видных деятелей российского зарубежья в диссертациях отечественных эмигрантоведов // Аграрный вестник Урала. 2012. № 11 (103). С. 25–27; Пронин А. А. Историография российской эмиграции. Екатеринбург, 2000. 188 с.; Борисенок Е. Русская земледельческая печать в Чехословакии в 1920–1930-е гг. Периодическая печать российской эмиграции : 1920–2000. М., 2009. С. 173–181.

³ Селунская В. М. Проблема интеграции эмигрантов в российском зарубежье между двумя мировыми войнами в отечественной историографии // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1998. № 1. С. 3–26; Бочарова З. С. Современная историография русского зарубежья 1920–1930-х гг. // Отечественная история. 1999. № 1. С. 91–102.

опубликованные документы; данные архивных фондов; труды русских учёных-эмигрантов; мемуарная литература; эпистолярное наследие; статистические данные; периодика.

Опубликованные документы. История аграрно-научной эмиграции в Европе не обобщена ни в одном специально опубликованном (тематическом) сборнике документов. Разрозненные сведения о жизни и быте русских учёных, направлениях их деятельности, творческих замыслах встречаются в различных сборниках материалов по истории зарубежной России¹. Часть опубликованных документов посвящена пребыванию русских учёных-эмигрантов в отдельных странах Европы². При этом в сборниках документов практически не затронута проблема научной деятельности эмигрантов, в том числе в области аграрной теории и практики. Определённый материал по истории аграрной науки в Чехословакии проанализирован и обобщён историками Архива академии наук Чехии и архива Музея национальной культуры³. Документальные сборники содержат информацию о размещении русских аграрно-научных центров в Европе, политических взглядах учёных, материалы распорядительного, отчётного, обще-информационного характера: приказы, распоряжения, аналитические записки, справки и донесения⁴.

Ценным источником являются опубликованные статьи и речи политических деятелей Советской России⁵, в том числе представителей так называемых «уклонов», которые на определённом этапе подвергали резкой критике официальный аграрно-политический курс⁶. Большое значение для исследования представляют публикации стенограмм заседаний партийных пленумов⁷, документы органов госбезопасности⁸, сборники писем и откликов крестьян⁹.

¹ Русская эмиграция 20–40-х гг. Документы и материалы Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922. Книга первая. М., 1998; Книга вторая. На чужбине. М., 1998.

² Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Прага, 2000; Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения : 1920–1930 г. М., 2004.

³ Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). Прага, 1998. С. 344.

⁴ Зарубежные центры русской общественной мысли. Документы. М., 2000; Россия в документах Югославских архивов. Белград, 1997. 59 с.; Пути решения аграрного вопроса в России : сб. документов. М., 2001. 341 с.; Политическая история русской эмиграции, 1920–1940 гг. : Документы и материалы. М., 1999. С. 776.

⁵ Сталин И. В. Сочинения. Т. 10–13. М., 1949–1951.

⁶ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. 500 с.

⁷ Как ломали НЭП : Стенограммы Пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг. М., 2000.

⁸ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918–1939 // Ин-т рос. истории РАН, Дом наук о человеке (Франция) и др. М., 1998. 1066 с.

⁹ «Проклятия крестьян падут на вашу голову...». Секретные обзоры крестьянских писем в газету «Правда» в 1928–1930 гг. // Новый мир. 1993. № 4; Голоса крестьян.

Архивные документы. Значительный объём архивных материалов по истории российской аграрно-научной эмиграции содержится в хранилищах документов тех стран, которые являлись в то или иное время центрами русского рассеяния в Европе (Германия, Польша, Франция, Чехия, Швейцария, Югославия и др.)¹. В России массив возвращённых из-за рубежа архивных документов располагается в четырёх городах: Владивосток, Москва, Санкт-Петербург и Хабаровск. Подавляющее большинство архивного материала по истории русского зарубежья находится в хранилищах Москвы, куда были перемещены фонды самого большого эмигрантского архива Чехословакии.

Основу источниковой базы исследования составляют документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в комплексе фондов Русского заграничного исторического архива (РЗИА) (т.н. «Пражского архива»)². В ГАРФ наибольший интерес представляют личные фонды А. В. Пешехонова³, Е. Д. Кусковой⁴, С. Н. Прокоповича⁵, Д. Н. Иванцова⁶, С. В. Маракуева⁷, И. М. Брушвита⁸, П. Н. Милюкова⁹ и др. Идеи учёных русской эмиграции часто публиковались на страницах эмигрантской печати, которая собрана в коллекции специальных фондов ГАРФ, например, Ф. Р.-5859 – Редакция газеты «Руль» (Берлин), Ф. 6845 – Редакция газеты «Последние новости» (Париж).

В РГАСПИ интерес представляет, главным образом, фонд 17 – «Центральный Комитет ВКП (б) – КПСС», в котором отразился официальный курс правящей партии в аграрном секторе. Партийная направленность РГАСПИ позволила собрать в его хранилищах данные о политических деятелях русской эмиграции.

В фонде 7733 РГАЭ («Народный комиссариат финансов СССР») содержится важная информация о проектах экономических реформ, предлагавшихся учёными-аграрниками Н. Д. Кондратьевым, А. В. Чайновым, Н. П. Макаровым и др.

Сельская Россия XX в. в крестьянских мемуарах. М., 1996; Общество и власть : 1930-е гг. Повествование в документах. М., 1998. С. 323; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 1–3. М., 1999–2001.

¹ Попов А. В. Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы : проблемы выявления, комплектования, описания и использования. М., 1998. С. 129.

² ГАРФ. Ф. 4653, 5902, 5938, 5789, 5928, 5764, 6532, 5937.

³ ГАРФ. Ф. 4653 – А. В. Пешехонов.

⁴ ГАРФ. Ф. 5865 – Е. Д. Кускова.

⁵ ГАРФ. Ф. 5902 – С. Н. Прокопович.

⁶ ГАРФ. Ф. 5790 – Д. Н. Иванцов.

⁷ ГАРФ. Ф. 6532 – С. В. Маракуев.

⁸ ГАРФ. Ф. 5789 – И. М. Брушвит.

⁹ ГАРФ. Ф. 579 – П. Н. Милюков.

Анализ архивных фондов по истории российской аграрно-научной эмиграции показывает, что документы крайне медленно вводятся в научный оборот, осваиваются специалистами. Во многом это связано со спецификой темы, не отвечающей запросам основной массы исследователей.

Труды русских учёных-эмигрантов. Объективное исследование взглядов русских учёных в эмиграции невозможно без непосредственного анализа их трудов. Многие работы ранее не привлекали внимание исследователей и не подверглись глубокому научному анализу¹. Отдельные статьи и книги по аграрной политике, опубликованные в русских научных центрах Европы, носили весьма полемический характер, закономерно вызывая ответную реакцию оппонентов². Многие учёные, при сохранении антисоветской позиции, стремились продемонстрировать умеренные взгляды. Образцом преобладания науки над политикой стали работы Б. Д. Бруцкуса, А. Н. Анцыферова, С. Н. Прокоповича³. Труды учёных различных школ представляют собой широкую палитру красок, вариативность идейных течений русской мысли в эмиграции, от яркого антибольшевизма до умеренных оценок аграрной политики СССР.

Мемуарная литература. Изучение аграрной мысли русского зарубежья невозможно без привлечения мемуарной литературы, которая необходима для правильного понимания ключевых моментов эпохи, погружения в историческое пространство зарубежной России, изучения полемики в эмигрантской среде⁴. Анализ мемуаров позволяет выявить высокий накал политической борьбы, непримиримое противостояние

¹ *Маракуев С. В.* Очередные задачи русской кооперации. Прага, 1921; *Милюков П. Н.* Рецензия на «Экономический вестник» // Последние новости. 1923. 8 ноября и др.

² *Макаров Н. П.* Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса. Харьков, 1918; *Прокопович С. Н.* Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923; *Его же.* Новая экономическая политика // Экономический вестник. Берлин, 1923; *Его же.* Сельское хозяйство и аграрный вопрос // Кооперация и сельское хозяйство. Прага, 1924; *Челинцев А. Н.* К теории организации сельского хозяйства массы крестьянских хозяйств // «Пути сельского хозяйства». 1928. № 8; *Его же.* Что дал России НЭП // Русский экономический сборник. Прага, 1926. Кн. 5. С. 15–33; *Маслов С. С.* Колхозная Россия : история и жизнь колхозов. М., 2007; *Пешехонов А. В.* Почему я не эмигрировал? // Русская мысль. Берлин, 1923. № 3–5. С. 413–415.

³ *Бруцкус Б. Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922. 234 с.; *Анцыферов А. Н.* О природе и сущности кооперации (этюды) // Записки Русского Института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Прага, 1926. Кн. 4. С. 6–7; *Прокопович С. Н.* Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924. 211 с.

⁴ *Пешехонов А. В.* Первые недели (из воспоминаний о революции). На чужой стороне. Кн. 1. Берлин, 1923. 220 с.; *Мейснер Д.* Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966. 302 с.; *Пешехонов А. В.* Почему я не эмигрировал? Берлин, 1923. 77 с.; *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. 528 с. и др.

эмигрантов с советской властью¹. Наиболее ценной частью мемуаров является личная оценка персоналий русской эмиграции, взаимные отзывы учёных друг о друге.

Эпистолярное наследие. Научный интерес представляет эпистолярное наследие русской эмиграции, переписка учёных², например, письма А. В. Чаянова к Е. Д. Кусковой или важная и малоизученная переписка Б. Д. Бруцкуса и Е. Д. Кусковой³. Письма интересны тем, что передают колорит эпохи и саму обстановку русской эмиграции, особенно научной ее составляющей, точно характеризуют отдельных деятелей науки, оказавшихся в изгнании⁴. Переписка учёных проливает свет на вопросы тактики, которой придерживались видные деятели русской эмиграции в идейно-политическом противостоянии большевикам⁵.

Статистические источники. Изучение истории аграрно-научной эмиграции потребовало привлечения разнообразного статистического материала. В работе использовались данные официальной советской статистики (ЦСУ), сведения зарубежных организаций о численности русских беженцев в различных европейских странах и статистические материалы о крестьянских хозяйствах, собранные учёными русской эмиграции⁶.

Периодика. Процесс развития русской аграрной науки за рубежом в 1920–30-е гг. получил широкое освещение в эмигрантской периодической печати. Газеты и журналы русского зарубежья охотно предоставляли полосы для публикации свежих работ учёных, популяризировали их идеи и активно продвигали новые теории аграрного развития, особенно антисоветского характера. В фондах отделения литературы русского зарубежья (прежнего спецхрана) РГБ сохранились научные журналы русской эмиграции, на страницах которых публиковались выдержки из работ известных учёных-аграриев: «Новая Россия. Париж», «Руль.

¹ Александровский Б. Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы эмигранта. М., 1969. 374 с.; Андреев Л. Н. S.O.S.: Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Ст. и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919). М., 1994.

² Милюков П. Н. Листки из дневника. Потеря перспектив // Последние новости. 1925. 2 августа.

³ Письмо А. В. Чаянова С. Н. Прокоповичу (январь–август 1923 г.); Письмо Б. Д. Бруцкусу от А. Н. Челинцева (1912 г.) // РГАЭ. Ф. 771. О. 1. Д. 31. Стр.1.; Письмо Б. Д. Бруцкуса к Е. Д. Кусковой (июль 1928 г.) // ГАРФ. Ф. Р.-5865. Оп. 1. Д. 70; Письма А. В. Чаянова к Е. Д. Кусковой // Уникальные документы нэповского времени. М., 1995.

⁴ ГАРФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 530. Л. 13.

⁵ Письма А. В. Чаянова. Публикация, вступительная заметка и комментарии Р. М. Янгирова // Минувшее. Исторический альманах. 1995. № 18. С. 478–529.

⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1929 г. М., 1931. 397 с.; Групповой состав крестьянства до и после революции // Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. М., 1922. С. 5–24; Хрящева А. И. Динамические переписи крестьянских хозяйств // Хозяйственная статистика. М., 1930. С. 51–58.

Берлин», «Дни. Берлин», «Воля России. Прага», «На чужой стороне. Берлин», «Записки Института изучения России. Прага», «Пути сельского хозяйства», «Современные записки. Париж».

Анализ источниковой базы позволяет сделать вывод о разнообразии массива документов, отражающих жизнь и деятельность учёных русской эмиграции в Европе. Однако большое количество материала само по себе не является показателем хорошего освещения и научной проработки проблемы. Многие документы пока ещё не систематизированы, не включены в научный оборот, не стали предметом исторического анализа. Главным образом, это относится к архивным материалам, которые отражают научную сторону деятельности специалистов-аграриев русской эмиграции.

В *третьем параграфе «Теоретико-методологические основы исследования научной проблемы»* показаны теоретические и методологические подходы к изучению русской аграрно-научной эмиграции¹. Автор отмечает, что поставленная в диссертации проблема находится на пересечении широкого спектра вопросов гуманитарного знания, в том числе: проблемы эмиграции; конфликта творческой интеллигенции и власти; создания научных центров в иноэтнической среде; идеологической борьбы части эмигрантского сообщества с советской властью и друг с другом; связи аграрной науки и сельскохозяйственной практики; подготовки кадров для аграрного сектора стран проживания; возвращения части эмигрантов на Родину и др.

Помимо непосредственно научной и общественно-политической деятельности эмигрантов автор стремился объективно оценить достижения учёных и специалистов в области сельского хозяйства. Аграрную науку автор рассматривает как совокупность систематизированных отраслевых знаний, вырабатываемых научными коллективами и используемых в целях совершенствования сельскохозяйственного производства.

Учитывая, что в России фундаментальная аграрная наука появилась раньше, чем в Европе, работы русских учёных в эмиграции рассматриваются автором в качестве катализатора местной теории и практики сельскохозяйственного производства, развития аграрной экономики и организации хозяйства, зоотехники, учения о сельскохозяйственных машинах, технологии переработки сельскохозяйственных продуктов и др. Интеграция специалистов из России в европейское научное сообщество придала новый импульс

¹ Понятие «русская эмиграция» автор использует не в этническом, а гражданско-государственном смысле этого слова, как синоним понятию «российская эмиграция». В эмиграции оказались выходцы из России различных национальностей, но в восприятии европейцев все эмигранты из нашей страны были «русскими».

развитию западной агрохимии, агрофизики, растениеводству, селекции, семеноводству, семеноведению, фитопатологии, энтомологии, теории мелиорации и др. Учёными русской эмиграции были сформулированы универсальные принципы аграрной политики, прочно закрепившиеся в западных странах: создание выгодных экономических условий для сельских тружеников, ставка на прочное положение хозяина на земле; установление экономически обоснованных, справедливых отношений между городом и деревней, между аграрным и другими секторами экономики, демократизм регулирования экономических процессов, ценность крестьянского труда, который должен занять престижное положение в обществе.

Российская аграрно-академическая эмиграция в Европе отличалась не только высоким интеллектуальным потенциалом, но также искренним желанием воспроизвести главные социальные институты, образовательные, культурные и политические учреждения, существовавшие в дооктябрьской России. Соединяясь в академические сообщества, отечественные ученые-эмигранты, кроме решения непосредственных теоретических и практических задач, занимались взаимопомощью, выполняли привычные социальные обязанности, порой участвовали в организации аграрного производства, формируя особенное социокультурное и хозяйственное пространство в центрах проживания. Исходя из этого, автор определяет *центр российской аграрно-научной эмиграции* как место сосредоточения покинувших Родину русских учёных-агров, продолжавших научную и практическую деятельность в интересах развития сельского хозяйства стран проживания, и с надеждой на возвращение в Россию.

Признавая безусловную уникальность взглядов каждого русского учёного, в целях систематизации их представлений о развитии сельского хозяйства автор предлагает выделить два магистральных идеологических направления русской аграрно-научной мысли в изгнании: либеральное и неонародническое. *Либеральная школа* российской аграрной науки в эмиграции объединяла группу учёных, отстаивавших приоритетность развития свободного индивидуального крестьянского хозяйства, выступавших за минимизацию вмешательства государства в развитие аграрного сектора. *Неонародническая школа* российской аграрной науки в эмиграции представлена именами крупных специалистов, объединённых идеей социализации земли, превращения её в общенародное достояние, строительства справедливого общества на основе хозяйственной и политической демократии.

Исследование показало, что учёные-агров либерального и неонароднического направлений не смогли разработать целостное учение о государственной политике в аграрной сфере, их больше интересовали

отдельные крестьянские хозяйства, кооперация, правовое разграничение предметов ведения и полномочий структур хозяйственного управления. Вместе с тем, они предъявляли актуальные требования к курсу государственной политики Советской России, в частности, по изменению отношения к крестьянству, отмене коллективизации и раскулачивания. Автор подчёркивает, что лекции, труды и конференции русских учёных, проводимые в Париже, Берлине, Праге, Софии и др. столицах Европы, непосредственным образом воздействовали не только на местную агрономию, но и на формирование аграрного законодательства, а также общественного сознания.

Во второй главе **«Формирование и развитие центров российской аграрно-научной эмиграции в Европе»** показана география расселения и интеграция представителей русской аграрной мысли в европейское научное сообщество, а также их вклад в развитие науки в странах проживания.

В первом параграфе *«География расселения и адаптация учёных русской эмиграции в европейских странах»* проанализированы предпочтения специалистов из России в выборе новых мест проживания, определяемые комплексом факторов, в числе которых решающее значение имели политические условия в зарубежных странах, экономическая ситуация, правовое поле, отношение местного населения к русской диаспоре. Изучение бытовых проблем, в том числе относящихся к сфере повседневности, позволило получить ответ на вопрос о приоритетах в творческом пути русских специалистов, их мотивации при выборе нового места жительства, карьерных и профессиональных интересах.

Автор отмечает, что в потоке беженцев из Советской России, принадлежавших к самым разным слоям общества, учёные занимали незначительную в количественном отношении часть, однако в силу своей социальной значимости их отъезд стал заметным явлением¹. Представители аграрно-научной интеллигенции расселялись, как правило, следуя своим профессиональным предпочтениям, выбирая месторасположение вблизи научно-образовательных учреждений, архивов, библиотек, различных интеллектуально-культурных центров. Приоритетными для себя они считали города Франции, Чехословакии, Германии, Италии, Польши, Швейцарии и отчасти Югославии, так как там находились самые значимые, ведущие центры современной аграрной науки. В начале 1920-х гг. в Европе по числу беженцев из России лидировали Франция (более 300 тыс. человек), Германия (около 240 тыс. человек), Польша (около 175 тыс. человек), Югославия (около 43 тыс.

¹ Берлов А. В. Центры российской аграрно-научной эмиграции в Европе (1917–1939 гг.) // Армия и общество. 2014. № 5 (42). С. 43.

человек)¹. Эти цифры подтверждаются сопоставлением данных Земгора о численности белоэмигрантов по разным странам Европы² со сведениями эмигрантской прессы.³

Франция больше других стран привлекала русских учёных благоприятным климатом и хорошими условиями для сельского хозяйства, здесь находилась практически третья часть эмигрантов, бежавших из России, здесь продолжали свои прерванные революцией исследования аграрных отношений А. Н. Анцыферов, В. Ф. Тотомиянц, В. М. Чернов, Н. Н. Зворыкин, С. О. Загорский и др. Помимо столицы Франции теоретики русской аграрной мысли работали в ряде традиционных сельскохозяйственных районов, специализировавшихся на производстве местной продукции. Русских учёных интересовали технологии обработки почвы, селекция, способы переработки готовой продукции, особенно нетрадиционной для России: персиков, оливок, абрикосов, цитрусов и миндаля. Основным местом концентрации русских учёных во Франции являлись аграрные факультеты крупных университетов, готовившие кадры для сельского хозяйства страны.

Заработная плата преподавателя не всегда позволяла обеспечить высокий уровень жизни в эмиграции, поэтому многие учёные, бежавшие из России, селились в недорогих кварталах или скромных комнатах пригородов европейских столиц. Известным специалистам было значительно легче, чем другим категориям беженцев, определить свой новый юридический статус, их во многом поддерживало правительство стран проживания, коллеги по работе, научные сообщества Европы. Однако за спиной русских эмигрантов, имевших статус иностранцев, не стояла страна, которая могла оказать им юридическую помощь и защиту через международные соглашения и дипломатические процедуры.

Главы правительств европейских стран приветствовали приток учёных из России, преследуя цель использовать их высокий потенциал для развития сельского хозяйства, особенно в аграрных регионах, которые по окончании Мировой войны имели критическую необходимость в притоке работников. В частности, благоприятные условия для жизни и научной деятельности русских учёных-аграриев были созданы в Германии, где концентрация академических кадров из России происходила, главным образом, вокруг Русского научного института (г. Берлин). В немецкой столице читали лекции Б. Д. Бруцкус, А. В. Пешехонов, П. Б. Струве, вели активную научно-исследовательскую работу С. Н. Прокопович и его

¹ Хрисанфов В. И. Российский «исход»: мифы и реальность. Историографическое исследование о численности «первой волны» российской эмиграции 1917–1920 гг.». М., 2014. С. 54.

² ГАРФ. Ф. 9135. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.

³ Последние новости. Париж, 1920. 25 декабря.

супруга Е. Д. Кускова¹, основавшие здесь уникальный научный центр, так называемый «Экономический кабинет»².

Наибольший размах деятельность аграрно-научной эмиграции из России приобрела в Чехословакии, правительство которой в рамках «Русской акции»³ стремилось создать благоприятные условия для работы специалистов в области сельского хозяйства, поддерживало Русский народный институт в Праге⁴. Аграрное направление находилось в приоритете у местных властей, и ему уделялось особое внимание: открывались новые кафедры, организовывались специальные курсы⁵.

Обучение подрастающего поколения в системе русских образовательных учреждений позволило осуществить преемственность отечественной культуры в эмигрантской среде. В начале 1920-х гг. в Югославии находилось более двух с половиной тысяч русских студентов, почти по две тысячи в Турции и Болгарии, более полутора тысяч в Германии, примерно столько же в Польше, Франции и Чехословакии, около двухсот человек в Греции⁶. Администрация Софийского державного университета разрешила русским студентам учиться и защищать дипломные работы на родном языке⁷. В 1920–1930-е гг. в Белграде активно работал Союз русских агрономов, ветеринаров и лесных инженеров, бессменным председателем которого являлся профессор факультета сельского хозяйства Белградского университета А. И. Стебут⁸. В Союзе состояло 195 специалистов, среди которых 109 агрономов, 63 ветеринара и 23 лесных инженера⁹. Широкое общественное признание получил вклад интеллектуалов из Русской матицы в Любляне в развитие аграрной теории

¹ Прокопович С. Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924. 92 с.; Прокопович С. Н. Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923. 121 с.

² ГАРФ. Ф. Р.-5902. Оп.1. Д. 4. Л. 9.

³ Савицкий И. П. Начало «Русской акции» // Новый журнал. М., 2008. № 251. С. 42.

⁴ ГАРФ. Ф. Р.-5899. Оп. 2. Ед. хр. 122. (Среди материалов фонда Р-5899 – положение о Русском народном университете, устав университета, протоколы общих собраний комитета слушателей, опись имущества университета и другие материалы).

⁵ Пятнадцать лет работы Русского свободного университета в Праге (1923–1938). Прага, 1938. С. 19.

⁶ Бирюкова К. В. Социальная адаптация российских студентов-эмигрантов в Центральной и Восточной Европе в 1920–1940 гг. СПб., 2012. С. 90; Состав участников эмигрантских студенческих союзов в 1920–1930-е годы. [Электронный ресурс] // https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1309. (дата обращения : 12.06.2020).

⁷ Косик В. И. Русская молодежь в эмиграции // Славяноведение. 2003. № 4. С. 48.

⁸ Йованович М. Как братья с братьями : Русские беженцы на сербской земле // Родина. 2001. № 3. С. 22.

⁹ Юбилейный сборник Русского археологического общества в Королевстве Югославии (к 15-летию Общества). Белград, 1936. С. 161.

Словении¹. Практическое внедрение научных идей специалистов-аграриев из России давало огромные преимущества как местным бизнесменам – собственникам земли, так русским беженцам-предпринимателям, бравшим земельные наделы в аренду².

Автор отмечает, что далеко не все страны оказывали помощь русской эмиграции, создавали условия для проживания и работы, а особенно проявляли готовность сотрудничать с учеными из бывшей Российской Империи. Например, политика польского правительства в отношении русского образования и науки являлась откровенно недружелюбной: русским школам изначально было предложено перейти на польский язык, а в случае отказа, учебное заведение закрывалось. Большинство зданий, ранее принадлежавших русским научным центрам, были отобраны, что в конечном итоге привело к массовому оттоку русских из Польши. Негативное отношение к русской эмиграции, в том числе научной, нередко встречалось в Румынии, странах Прибалтики, Греции и Турции.

Исследование показало, что к концу 1930-х гг. в Европе изменились количественные и качественные характеристики российской аграрно-научной эмиграции, что связано с ассимиляцией её части в странах проживания, интеграцией в местную научно-образовательную среду, возвращением на историческую Родину. Изменение общественно-политических условий и установление фашистских и авторитарных режимов в ряде европейских стран в 1930-е гг. внесли коррективы в процесс институционализации русских эмигрантских научных центров, привели к вынужденному переезду ряда учёных из Германии, Италии и Чехословакии, главным образом, во Францию, Англию и США.

Второй параграф «Вклад учёных русской эмиграции в развитие европейской аграрной мысли» посвящён анализу теоретических и практических достижений русской аграрно-научной миссии в Европе, ставших достоянием сельского хозяйства стран проживания.

В начале XX века в Европе не существовало столь развитой аграрной мысли, как в дореволюционной России, поэтому эмиграция русских специалистов стала удачным обстоятельством для европейской науки и сельского хозяйства. В течение первых двух послереволюционных десятилетий русские учёные-аграрии внесли заметный вклад в создание сети средних и высших учебных заведений аграрной ориентации в ведущих европейских странах, подготовили новое поколение агрономов, специалистов в области животноводства, сельской кооперации. Весомый вклад в развитие аграрно-экономической мысли в Европе внесли

¹ Radovan Pulko. Rusko zamejstvo v slovenskih deželah (Р. Пулко. Русская эмиграция в Словении, перевод). 2018. С. 229.

² Головкин А. А. Предпринимательская деятельность русской эмиграции на Балканах (1920–1930-е гг.) // Вестник РУДН. 2013. Вып. 2. С. 105.

А. Н. Анцыферов, А. Д. Билимович, Б. Д. Бруцкус, Н. Н. Зворыкин, Д. Н. Иванцов, Н. П. Макаров, С. В. Маракуев, С. С. Маслов, С. Н. Прокопович, В. Ф. Тотомианц, А. Н. Челинцев, В. М. Чернов и др.

Автор подчёркивает, что русским учёным-эмигрантам удалось во многом объединить российскую и европейскую аграрную теорию, синтезировать опыт развития западного аграрно-капиталистического хозяйства со зрелыми идеями русской сельскохозяйственной кооперации, принципами общинности, народническими представлениями о земле и крестьянской справедливости¹. «Идеалистическое» направление русской аграрной мысли, представленное именами В. М. Чернова, С. О. Загорского, С. С. Маслова уравнивалось строго либеральным подходом «рыночников» – Б. Д. Бруцкуса, Н. Н. Зворыкина, П. Б. Струве и др. По сути, в эмиграции продолжилась широко известная дореволюционная дискуссия сторонников народнической («эсеровской») и либеральной теорий. Опыт аграрных преобразований в Советской России предоставил новый богатый материал для продолжения этой традиционной полемики, теперь за рубежом.

Сопоставляя опыт развития русской и немецкой деревни, Б. Д. Бруцкус предложил европейской научной общественности идею дифференциации сельского населения в целях предотвращения аграрного кризиса². Согласно его теории, расслоение крестьянства относительно и имеет мало общего с капиталистическим процессом концентрации производства: «скорее в данном случае происходит профессиональная дифференциация сельского населения»³. Заметное влияние на европейскую аграрно-экономическую мысль оказали идеи С. Н. Прокоповича, который предложил ограничить правительственное вмешательство в экономику⁴, опираться на рыночные законы и соблюдать принцип неприкосновенности отдельных крестьянских хозяйств – опоры свободной производственно-распределительной системы в деревне⁵.

Жёсткая критика русскими учеными аграрной политики большевиков, осуждение ликвидации кулачества и национализации земельных фондов, ставшие достоянием европейского общественного мнения, оказали влияние на политику западных стран по сохранению своего сельского хозяйства от чрезвычайных перегибов и рискованных экспериментов.

¹ *Анцыферов А. Н.* О природе и сущности кооперации // Записки Русского Института сельскохозяйственной кооперации. Прага. 1926. Кн. 4. С. 54.

² *Бруцкус Б. Д.* Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. 1922. № 1–3. С. 15.

³ ГАРФ. Ф. Р.-5937. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.

⁴ ГАРФ. Ф. 5902. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

⁵ *Берлов А. В.* Развитие русской аграрно-научной мысли в эмиграции на примере деятельности экономического кабинета С. Н. Прокоповича (1922–1938 гг.) // Право и образование. 2015. № 8. С. 149.

В третьем параграфе «Интеграция представителей русской аграрной мысли в европейское научное сообщество» показан болезненный разрыв эмигрантской аграрной науки с отечественной теорией и практикой сельского хозяйства, сопровождавшийся включением русских специалистов в европейское научное сообщество.

Поставленная в данном разделе проблема освещается в двух аспектах: степень сохранения русской национальной идентичности (культуры, языка, традиций, научных интересов) и ассимиляция русских ученых-эмигрантов с местным населением в различных государствах Европы. При этом, автор учитывал, что интеграция русских учёных в европейское научное сообщество не подразумевала утраты национальных корней, речь шла лишь о смене научных приоритетов, трудоустройстве на кафедрах ведущих европейских учебных заведений, а также, в ряде случаев, смене тематики исследований.

подавляющее большинство русских аграрников были убеждены в скором свержении власти большевиков и возврате на историческую Родину, поэтому не ставили своей целью интеграцию в европейское научное сообщество. Этот процесс происходил объективно, вне зависимости от желания самих учёных, вынужденных десятилетиями жить и продолжать своё творчество вдали от Родины. Интеграция в европейское научное сообщество не всегда сопровождалась сменой тематики исследований, часто русские учёные продолжали исследовать аграрную систему России, делая акцент на отрицательном влиянии большевистских экспериментов над крестьянством. Этому есть своё объяснение: представители русской эмиграции рассматривали собственное творчество как миссию, служение родной стране за её пределами, ждали возвращения в освобождённую от большевиков Россию и надеялись на воплощение аграрных идей в сельском хозяйстве новой страны¹.

Ускорению процесса интеграции русских учёных в европейское научное сообщество способствовали, главным образом, два фактора: необходимость выгодного трудоустройства в ведущих научных центрах Европы и подготовка кадров для сельского хозяйства европейских стран. Из трёх крупных центров русской эмиграции (Берлин, Париж, Прага), именно в столице Франции были созданы наиболее благоприятные условия для работы русских специалистов, активно пополнявших кафедры ведущих университетов страны. Сказывались не только географическая удалённость от России, но и иные экономические условия, более высокий уровень жизни, активность научных процессов.

На научных конференциях крупных европейских университетов регулярно звучали доклады специалистов из России, разумеется, на языках

¹ Бочарова З. С. «...Не принявшие иного подданства»: проблемы социально-правовой адаптации российских эмигрантов в 1920–1930-е гг. СПб., 2005. С. 55.

стран временного проживания. Установлению контактов с научным сообществом европейских государств способствовало создание особых академических структур, например, Экономического кабинета С. Н. Прокоповича, который сыграл важную роль в адаптации русских учёных-эмигрантов «первой волны».

В основной своей массе русская аграрно-научная элита, несмотря на отдельные проблемы адаптации, нашла применение собственным знаниям и навыкам, избежала профессиональной деградации, сохранила научный потенциал. Большую роль в поддержке учёных-агряриев из России сыграли эмигрантские общественные организации, правительства разных стран, а также европейское образовательное и научное сообщества.

В третьей главе «**Либеральная школа российской аграрной науки в эмиграции в исследуемый период**» раскрыты взгляды либеральных экономистов на природу индивидуального крестьянского хозяйства, рыночную среду в аграрном секторе и негативные последствия их деформации под влиянием советской практики колхозного строительства.

В первом параграфе «*Либеральная концепция развития индивидуального крестьянского хозяйства*» проанализированы взгляды ученых либеральной школы на конкурентные возможности частного крестьянского хозяйства, его соответствие/несоответствие современной рыночной среде.

В целом позитивно оценивая внедрение капиталистических начал в сельскохозяйственное производство, представители либерального направления русской аграрной мысли отмечали нерыночный характер экономической организации частного семейного хозяйства. Например, Б. Д. Бруцкус писал о нерациональной склонности крестьян переплачивать аренду за пользование дополнительными земельными наделами, не приносящими дохода¹, Н. Н. Зворыкин подчёркивал специфику консервативной крестьянской психологии, особое отношение к земле и труду на ней, которые тормозили проникновение капитализма в деревню². В трудах учёных прочно закрепился вывод о том, что в отличие от коммерческого предприятия с его стремлением к максимизации прибыли, крестьянское семейно-трудовое хозяйство не готово к предельной самоэксплуатации ради получения пороговых показателей по выпуску продукции³. Трудовая мотивация крестьянина основана, скорее, на логике

¹ Бруцкус Б. Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. Берлин, 1923. С. 56.

² Зворыкин Н. Н. Русские крестьяне: предстоящее их благоустройство. Париж. Издатель неизвестен. 1929. С. 34; Зворыкин Н. Н. К возрождению России. Париж. Издатель неизвестен. 1929. С. 27.

³ Иванцов Д. Н. Основной закон ценообразования. Прага : Русский Народный Университет в Праге, 1933. С. 12.

самозанятого или рабочего на сдельщине, который сам рассчитывает время и степень затраченных усилий ради получения желаемого результата. Такой подход, по мнению либеральных экономистов русской эмиграции, обеспечивает, с одной стороны, исключительную стабильность семейно-трудового крестьянского хозяйства, а с другой стороны, его техническую отсталость и производственную инертность.

Учёные-экономисты либерального направления признавали, что организация производства в рамках семейно-трудового хозяйства мешает активной концентрации капитала и имущественному расслоению крестьян, – т.е. базовым основаниям развития капитализма в деревне, однако все равно отдавали ему предпочтение, главным образом, из-за большей свободы хозяйственной деятельности. В частности, Б. Д. Бруцкус подчеркивал, что в силу специфики полевых и животноводческих работ их эффективность обеспечивается не массовостью участников, а полезной комбинацией взрослого работника с «полу-работниками» (женщинами, подростками), что оптимально соответствует составу классической крестьянской семьи¹.

Симпатии экономистов либеральных взглядов к частному крестьянскому хозяйству удивительным образом сочетаются с признанием его общей технической отсталости и консерватизма организации трудовой деятельности. Например, отказ от приобретения молотилок и иной трудосберегающей техники ученые объясняли нежеланием крестьян тратить на покупку часть семейного бюджета, если можно полнее задействовать бесплатные, с их точки зрения, рабочие руки членов семьи². Русское семейно-трудовое хозяйство не укладывалось в либеральную логику развития классического аграрного капитализма, при котором человек рассматривается как прагматически мыслящий субъект, стремящийся к извлечению максимума выгоды от эксплуатации земельных и трудовых ресурсов. Учёные русской эмиграции справедливо считали крестьянина не предприимчивым эксплуататором-стяжателем, а хозяином-семьянином, который не склонен бесконечно наращивать объемы производства, если это требует дополнительного напряжения трудовых усилий членов его семьи.

Оказавшись в вынужденной эмиграции, русские экономисты получили возможность на большом статистическом материале сопоставить модели производственной деятельности крестьянского двора стран западной и восточной Европы и российского семейно-трудового хозяйства. Учитывая объективные различия в климате, размерах земли, доступности кредита и др., они справедливо отмечали тенденцию к сокращению частных крестьянских дворов в Европе, вытесняемых крупными аграрными предпринимателями, и укрепление позиций русских крестьянских хозяйств,

¹ Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922. С. 94.

² Билимович А. Д. Труды. Санкт-Петербург: Росток, 2007. С. 139.

выживавших за счет интенсивного труда и широкой кооперации (производственной, потребительской, сбытовой).

Во втором параграфе «Российские учёные либеральной школы о тенденциях и противоречиях аграрной политики Советской России» обобщена и систематизирована либерально-эмигрантская критика курса большевиков в деревне.

В основе либеральной концепции лежала идея защиты частной собственности, поэтому такие явления, как продразверстка, военный коммунизм, экспроприация агротехники и семенного фонда в рамках Закона о социализации земли (январь 1918 г.) подвергались резкой критике, вызывали протест и негодование. Ученые либерального направления с удовлетворением отмечали крестьянское сопротивление радикальному курсу Советской власти в деревне, решительный отпор политике продразверстки со стороны «кооперативно-сознательных масс»¹. В этом они видели образ будущего гражданского общества в России. Сторонники рыночного оборота земли и частной инициативы, они считали, что возврат к капиталистическим отношениям и здоровой конкуренции избавит государство «от надобности строить свою аграрную политику на принципах благотворительности»².

Специалисты либеральной школы жестко критиковали аграрный курс большевиков за то, что вместо поддержки социально сильных и зажиточных слоев крестьянского общества, т.е. потенциальных фермеров («справных хозяев»), советская власть искусственно разжигала огонь классовой борьбы в деревне, преследуя цель изъятия земельных фондов у богатых крестьян в пользу государства.

Определенные успехи НЭПа заставили отдельных ученых русской эмиграции скорректировать свои оценки советской экономической системы, признать ее гибкость, возможность подстраиваться под меняющиеся условия³. Однако не все мыслители русской эмиграции положительно восприняли нэповскую уступку крестьянству, например, П. Б. Струве был убежден, что переход к НЭПу связан с несостоявшейся мировой революцией, стремлением советской власти усилить своё экономическое влияние для дальнейшей атаки на крестьянство⁴.

Под прицелом критики либеральных экономистов русского зарубежья оказались национализация земли, «ножницы цен», ликвидация частной инициативы, деморализация труда, ограничение крестьянской торговли, искусственное создание коллективных хозяйств, превращение

¹ Маракуев С. В. Очередные задачи русской кооперации. Прага, 1921. С. 11.

² Зворыкин Н. Н. К возрождению России. Париж, 1929. С. 114.

³ Бруцкус Б. Об эволюции земельной политики советской власти // Экономический вестник. 1923. № 1. С. 33.

⁴ Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М., 2004. С. 211.

крестьянина в батрака, «сидящего на казённой земле и работающего по команде»¹.

Автор акцентирует внимание на отсутствии у либеральной части эмигрантского сообщества положительных оценок политики Советского правительства в аграрном секторе, негативном восприятии любых действий власти по отношению к крестьянству. Даже в переходе к НЭПу они видели вынужденную половинчатую меру, направленную на сохранение режима.

Третий параграф «Либеральные оценки колхозного строительства и судьбы русского крестьянства». В этой части работы показана критика коллективизации и пессимистические прогнозы либеральных экономистов на будущее русского села.

В полном соответствии с либеральной концепцией ученые акцентировали внимание на необходимости исключительно добровольного объединения производительных сил и ресурсов в аграрном секторе, например, в рамках кооперативного движения, спланивавшего разрозненных крестьян, ремесленников, мелких торговцев и потребителей².

Процесс коллективизации рассматривался либеральными учёными с точки зрения проблем собственности, классового деления сельского общества, политической и экономической целесообразности. В творчестве Б. Д. Бруцкуса, А. Д. Билимовича, Н. Н. Зворыкина, П. Б. Струве и др. крайне негативные оценки получила политика экспроприации земельных фондов и инвентаря зажиточных крестьян, ликвидация кулачества как класса, воспринимавшаяся геноцидом лучшей части аграрного общества. Получая сведения о событиях в России не только из официальных источников, но и от бежавших за рубеж состоятельных крестьян, учёные русской эмиграции первыми разрушили миф о добровольности объединения единоличных хозяйств в коллективные, обсуждали пагубные последствия ограничения прав колхозников на торговлю и развитие личных подсобных хозяйств³.

Учёные либеральных взглядов с горечью отмечали, что лишённые частной собственности крестьяне теряли не только хозяйственную самостоятельность, но и способность к общественной самоорганизации, гражданскому сопротивлению, их рассматривали «как батраков, сидящих на государственной земле, обязанных вести хозяйство под диктовку власти и сдавать весь продукт государству»⁴. Критическая тональность

¹ Письмо Е. Д. Кусковой от 12 января 1930 г. // ГАРФ. Ф. Р.-5865. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.

² Билимович А. Д. Экономический строй освобожденной России. М., 2006. С. 215.

³ Бруцкус Б. Д. Голод и коллективизация // Современные записки. 1934. Т. 52. С. 207.

⁴ Рецензия Б. Д. Бруцкуса на книгу С. Н. Прокоповича «Идея планирования и итоги пятилетки» / Современные записки. 1934. Т. 56. С. 32.

эмигрантских исследований не изменилась даже тогда, когда стало ясно, что ресурсы, изъятые у деревни, направлялись на нужды индустриализации, необходимость которой всегда признавалась теоретиками либерализма. Ученые призывали искать иные источники и средства для промышленного рывка, например, привлекать иностранные инвестиции, искать помощи западных стран¹.

Исследование коллективизации русскими учеными-эмигрантами едва ли может быть признано объективным, поскольку они находились вне страны и не обладали достаточными для глубокого анализа сведениями о происходивших в Советской России процессах. Не имея точных сведений, эмигрантская пресса писала о «миллионах крестьян, прошедших через ужасы ссылки и лагерей»². Свои выводы исследователи подкрепляли доступными официальными документами, статистическими выкладками как советских, так и западных публикаций, наблюдениями и впечатлениями непосредственных участников событий, оказавшихся за рубежом, с которыми старались, по возможности, встречаться. В трудах зарубежных экономистов практически не отразился тот факт, что с 1935 г. началось восстановление сельскохозяйственного производства, стали подниматься урожаи, возобновился рост поголовья скота, выше стала оплата труда колхозников.

В четвертой главе «**Неонародническая школа российской аграрной науки в эмиграции в 1922–1939 гг.**» показана эволюция неонароднической аграрной теории в зарубежье под влиянием европейского опыта ведения сельского хозяйства и реализации масштабных экспериментов Советской власти в русской деревне.

В первом параграфе «*Частное крестьянское хозяйство в исследованиях ученых-аграриев*» выявлены конструктивные и практико-ориентированные предложения теоретиков неонароднической школы по использованию экономического потенциала индивидуального крестьянского двора, способного выдерживать конкуренцию с фермерскими и крупными капиталистическими аграрными предприятиями.

Автор показывает, что представители неонароднической аграрной мысли в эмиграции делали акцент на некапиталистическом характере семейного крестьянского хозяйства, в котором отсутствуют понятия коммерческого расчета, прибыли, заработной платы, эксплуатации и т.д. Вопреки логике марксизма, с его экономическим детерминизмом, они оценивали эффективность сельскохозяйственного труда не с рыночных, а с онтологических позиций, учитывая особое отношение крестьянина к земле и специфику образа жизни в деревне. Например, по мнению А. В. Чайнова,

¹ ГАРФ. Ф. Р.-5937. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.

² Массовые казни в стране Советов // Последние новости. Париж. 1932. 24 мая. С. 2.

основной целью крестьянского труда является не извлечение прибыли от продажи произведенной продукции, как в промышленности, а удовлетворение потребностей семьи, обеспечение достатка и стабильности¹.

Исследование организации трудовой деятельности, размеров земельных наделов, средств производства, количества скота, численности и половозрастного состава семьи позволило ученым русской эмиграции обоснованно ответить на вопрос, почему крестьянские хозяйства способны успешно выдерживать конкуренцию с фермерскими предприятиями, основанными на использовании наемного труда и банковских кредитов. По мнению А. В. Чаянова, эффективность хозяйства определяется, главным образом, соотношением числа едоков и работников. Молодая крестьянская семья с малолетними детьми не имеет возможности задействовать в хозяйстве достаточное количество рабочих рук, что определяет низкую производительность труда. Но по мере включения в трудовую деятельность одного за другим подрастающих детей и подростков появляется возможность организовать сельскохозяйственные работы по принципу сложной кооперации, что способствует росту объемов производства и благосостояния семьи. Когда подросшие дети создают свои отдельные семьи, из крепкого зажиточного двора выделяется ряд мелких хозяйств, маломощных в экономическом отношении. Таким образом, имущественное расслоение русского крестьянства ученые связывали не столько с развитием аграрного капитализма, сколько с естественной цикличностью укрупнения и разделения крестьянской семьи.

Вывод о цикличности и относительности неравенства крестьянства, вызванной спецификой социально-демографических процессов в деревне, противоречил известному марксистскому тезису о последовательной и неизбежной социально-экономической дифференциации общества под влиянием капиталистических отношений. Концепция учёных русской эмиграции в самой основе опровергала большевистскую теорию готовности к революции российской деревни, якобы, разделённой на противоборствующие классы кулачества и сельского пролетариата.

Концепция некапиталистической природы крестьянского хозяйства детально разработана группой русских учёных, объединившихся в Праге в 1920-е гг. вокруг Русского института сельскохозяйственной кооперации. Исследователей интересовала зависимость экономического поведения крестьянства от размеров семьи, удалённости рынка, географии расположения хозяйства, общей культуры и образования². Отмечая

¹ Чаянов А. В. Учение о крестьянском хозяйстве. Берлин, 1923. С. 39.

² Коссинский В. А. Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы. Мобилизация земельной собственности. Прага, 1925. С. 74.

гибкость и эффективность землепользования частного двора, разнообразие производимой продукции, от льна в северных, до винограда в южных регионах, учёные русской эмиграции подчёркивали факторы, препятствовавшие росту производства в крестьянских хозяйствах, в числе которых малые размеры земли, чересполосица, низкий уровень технической вооружённости, отсутствие найма квалифицированной рабочей силы¹.

Наблюдая за развитием социально-экономических отношений в европейской деревне, учёные русской эмиграции не могли не видеть, что по мере укрепления аграрного капитализма урожайность на полях крупных фермерских хозяйств становится выше, чем на землях, принадлежащих частным крестьянским дворам². Более того, работая по найму у аграрного предпринимателя, крестьянин с десятины обрабатываемой им земли получал значительно больший чистый доход, чем с десятины собственной земли³. Тем не менее, крестьяне пытались расширить собственные земельные наделы, стремясь обособить и укрепить свое низкорентабельное хозяйство. Устойчивость и жизнеспособность крестьянского двора экономисты русской эмиграции связывали с большей свободой маневрирования, способностью развивать отрасли производства и возделывать культуры, от которых отказываются крупные хозяйства по причине их низкой доходности⁴.

Во втором параграфе «Взгляды неонародников на кооперативное движение в русской деревне» подвергнуты научному анализу представления русских учёных об уникальном явлении сельскохозяйственной кооперации.

Автор отмечает, что, унаследовав народническое представление об уникальности крестьянства, русские учёные-экономисты искали альтернативу капиталистическим отношениям в деревне. Опыт развития сельского хозяйства, особенно в России, убеждал их в том, что крестьянство способно к самоорганизации, к созданию кооперативных объединений, сохранению коллективных форм труда на земле. Посещая местные фермы, теоретики аграрной мысли фиксировали принципы работы европейских кооперативов по сбыту, устанавливали нормы экономического поведения крестьян, сравнивали полученные результаты с российским опытом. Их интересовал опыт маслобойных товариществ юга Франции и Италии, работа животноводческих и винодельческих хозяйств Болгарии и Греции. Будущее

¹ Прокопович С. Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин: Кооперативная мысль. 1924. 245 с.

² Маслов С. С. Возрождение России и крестьянство // Крестьянская Россия. Прага. 1923. № 2. С. 14.

³ Иванцов Д. Н. Блокноты с черновыми записями. 5-я тетрадь. Прага. 1927 // ГАРФ. Ф. Р.-5790. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.

⁴ Маслов С. С. Восходящая сила // Крестьянская Россия. Прага. 1922. № 1. С. 41.

аграрное производство виделось русским учёным не только в сохранении частных фермерских хозяйств, но и в высокой степени их кооперативного объединения, влекущего за собой нравственное перерождение собственников земли.

Учёные русской эмиграции, особенно неонароднических взглядов, были убеждены в том, что хозяйственная деятельность крестьянина не укладывается в рамки прагматического поведения «экономического человека» А. Смита. Помимо исторической и экономической инерции на нее оказывают влияние силы социальной организации, норм культуры и природной среды. Экономическое поведение крестьянства противоречит логике законов классической политэкономии, – подчёркивал теоретик партии эсеров В. М. Чернов, возглавлявший в Праге социально-политический отдел Института изучения России. По его мнению, эволюция аграрного производства в корне отличается от развития высших отраслей промышленности, поэтому в деревне невозможна высокая степень концентрации капитала, монополизация производства и пролетаризация сельского населения¹.

Согласно концепции русских учёных, относительная автономность крестьянского двора и изолированность хозяйственной деятельности не препятствовали развитию общественных производительных сил труда и концентрации сельскохозяйственного капитала. Широкая кооперация, охватившая аграрный мир России и многих стран Европы, вывела крестьянские хозяйства «из состояния изолированного существования индивидуально-обособленных действий»². Учёные утверждали, что под воздействием сельскохозяйственной кооперации «происходит непрерывный процесс оздоровления общественной среды», создается «коллективный дух, порожденный совместной деятельностью»³. В трудах А. Н. Анцыферова, С. С. Маслова, С. Н. Прокоповича, В. А. Коссинского и др. поставлен непривычный для аграрной науки того времени вопрос о нравственном измерении экономической деятельности, формировании человека, живущего собственным трудом и включённого в социальные кооперативные связи. Принцип отказа от эксплуатации и добровольного сложения хозяйственных усилий крестьян был положен в основу экономической модели, которую русские учёные противопоставляли развивавшемуся на Западе капитализму и практике победившего в России марксизма.

¹ Чернов В. М. Записки социалиста-революционера. Берлин. 1922. С. 49.

² Анцыферов А. Н. О природе и сущности кооперации // Записки Русского Института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Прага. 1926. Кн. 4. С. 5–24.

³ Труды V-го съезда русских академических организаций за границей в Софии. 14–21 сентября 1930 г. София. 1932. С. 201.

В третьем параграфе «Аграрная политика Советской России в освещении учёных-эмигрантов» показано абсолютное преобладание критических оценок аграрного курса большевиков в работах учёных русского зарубежья. Обобществление земельных фондов и хозяйственного инвентаря советской властью вызвало критику не только либеральных экономистов, но и учёных-эмигрантов, придерживавшихся социалистических взглядов. Оказавшись в эмиграции, теоретики неонародничества были вынуждены признать, что почти все советские коммуны и артели пребывали в «жалком состоянии и едва прокармливали собственных работников»¹. Независимо от идейной направленности, ученые русской эмиграции считали программу большевиков по изъятию частной собственности на средства производства у личных крестьянских дворов экономически нерациональной и социально опасной. Причину аграрного кризиса начала 1920-х гг. в Советской России они связывали не столько с последствиями революционного кризиса и гражданской войны, сколько с перегибами эпохи «военного коммунизма» и стремлением власти любой ценой искусственно создать коллективные формы аграрного производства.

Учёные русской эмиграции считали главной ошибкой большевиков желание превратить крестьянина в наемного рабочего, сидящего на государственной земле и работающего по указке «посевного комитета». По их мнению, изменение системы землеустройства вызвало здоровую реакцию в крестьянстве против эксцессов аграрной революции.

Выступая сторонниками добровольного объединения крестьянских хозяйств, русские экономисты бескомпромиссно осудили коллективизацию в СССР, в результате которой исчез «хозяйственно-свободный» и «самодеятельный» крестьянский двор, произошёл насильственный слом всех «хозяйственных понятий, навыков и технических приёмов» крестьянства². Опираясь на данные, полученные из Советской России, они писали об ужасном положении крестьян в «крупном коллективном хозяйстве», акцентировали внимание на насильственном изъятии земли, хозяйственных построек, инвентаря, скота, семян и кормов. Экономисты русского зарубежья отмечали, что материальных условий для коллективизации в стране не было, государство не могло предоставить кредиты, технику, удобрения. В результате, оно пошло на простое обобществление труда.

¹ *Анцыферов А. Н.* Революция и русское земледелие // *Земледелие. Ежемесячный журнал общественной агрономии, земледельческой кооперации и аграрной политики.* Прага, 1921. С. 22.

² *Маслов С. С.* Колхозная Россия. История и жизнь колхозов. Значение для сельского хозяйства, крестьянства, государства. Природа, эволюция и будущее. Издание «Крестьянской России». 1937. С. 38.

Анализируя данные статистики, статьи советской прессы, выступления партийных лидеров и законодательные документы, ученые сформировали свое представление о процессах, происходивших в советской деревне. Беспрецедентную по своим масштабам коллективизацию они оценивали как величайшую из революций, какие переживало крестьянство всех народов и на всей памяти человеческой истории. Особое негодование вызывало отделение машинно-тракторных станций от колхозов, что привело к ликвидации инициативы крестьян и усилению государственного контроля. Экономисты разных школ с сожалением констатировали, что советская власть не могла допустить хозяйственную самостоятельность колхозов и свободу товарно-денежных отношений в деревне.

В середине 1930-х гг. ученые русской эмиграции признали факт окончательной передачи всех средств производства и распределения в собственность государства, ликвидацию традиционного крестьянского хозяйства и свободной кооперации, что в корне изменило систему русского самобытного аграрного производства и перераспределения. Главную трагедию реформирования деревни Советской властью ученые видели в том, что на момент революции аграрный капитализм в России еще не исчерпал своих прогрессивных возможностей. К концу 1930-х гг. их предложения по либерализации общественно-экономических отношений в деревне, легализации купли-продажи земли, сосредоточению средств производства в руках справных хозяев-кулаков утратили свою актуальность.

В Заключении подведены итоги проделанной работы, сформулированы выводы и даны рекомендации по дальнейшему исследованию темы.

Автором показана институционализация русских центров аграрной науки в Европе и деятельность ученых российской эмиграции 1920–1930-х гг. в контексте поиска альтернатив теории и практики решения крестьянского вопроса в СССР.

Вынужденная эмиграция квалифицированных специалистов после революции рассматривается в работе как одна из причин острого «кадрового голода» в Советской России, вставшей на путь глобальных преобразований всего государственного и экономического устройства.

Эмиграция учёных-агров после революционных потрясений в России привела к расцвету аграрной мысли за рубежом, особенно в тех европейских странах, где образовались крупные центры русской науки.

Анализ географии размещения и предпочтений русских учёных в выборе мест проживания показал приоритет их научных интересов перед политическими обстоятельствами и бытовыми условиями (главным образом, города Франции, Германии, Чехословакии, отчасти Болгарии и Югославии). Отдельные европейские страны, например, Англия, были

ориентированы преимущественно на промышленное, а не аграрное производство, и вследствие этого не представляли интереса для русских ученых-эмигрантов. Выбор страны проживания и организация научных центров во многом определялись историческими традициями взаимодействия России и европейских стран, культурными и личными связями. Адаптации учёных-эмигрантов способствовало хорошее знание иностранных языков, высокая квалификация, работа в крупных европейских образовательных и научных центрах Парижа, Берлина, Праги, Белграда, а также деятельность эмигрантских общественных организаций.

Исследование показало, что русские учёные-эмигранты внесли значительный вклад в развитие европейской и мировой экономической и аграрной науки, а также в разработку методики преподавания отдельных сельскохозяйственных дисциплин. Научным достижениям во многом способствовала идейная борьба двух ведущих направлений аграрной мысли за рубежом – либеральной и неонароднической, а также стремление предложить актуальную альтернативу развитию сельского хозяйства в странах Европы и Советской России.

В целом, плодотворная дискуссия русских и европейских аграрно-научных школ обогатила экономическую науку, позволила ряду учёных сохранить российское академическое наследие и избежать потери профессионализма.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях автора:**

*Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах,
определенных ВАК при Министерстве науки и высшего образования
Российской Федерации*

1. Берлов, А. В. Экономическое поведение крестьянства в исследованиях ученых русской эмиграции в Европе в 1920-е гг. / А. В. Берлов, Е. К. Минеева // Вопросы истории. – 2020. – № 3. – С. 201–207 (0,8 п. л. / 0,4 п. л.).
2. Берлов, А. В. Основы развития сельского хозяйства в Советской России в трудах ученых-экономистов русской эмиграции 1920-1930-х гг. / А. В. Берлов // Вопросы истории. – 2019. – № 2. – С. 107–113 (0,6 п. л.).
3. Берлов, А. В. Русская аграрно-научная эмиграция на Балканах в 1920-1930-е годы / А. В. Берлов // Право и образование. – 2018. – № 5. – С. 123–130 (0,5 п. л.).
4. Берлов, А. В. Русская аграрно-научная эмиграция во Франции в 1920-1930-е гг. / А. В. Берлов // Право и образование. – 2017. – № 12. – С. 149–155 (0,4 п. л.).

5. Берлов, А. В. Сопоставление оценок крестьянского хозяйства в трудах ученых-агроведов русской эмиграции и А. М. Анфимова / А. В. Берлов // Власть. – 2017. – № 1. – С. 204–208 (0,5 п. л.).
6. Берлов, А. В. Творческое наследие А. М. Анфимова и классовые подходы в оценках крестьянского хозяйства / А. В. Берлов // Вестник Екатеринбургского института. – 2016. – № 4 (36) – С. 3–6 (0,4 п. л.).
7. Берлов, А. В. Управление учреждениями научной аграрной мысли в среде русской европейской эмиграции (1920-1939-гг.) / А. В. Берлов, В. В. Попов // Вестник университета. – 2015. – № 3. – С. 21–28 (0,8 п. л. / 0,4 п. л.).
8. Берлов, А. В. Взгляды русских ученых - эмигрантов на состояние и пути развития сельского хозяйства в Советской России в период НЭПа / А. В. Берлов // Пространство и Время. – 2015. – № 3 (21) – С. 237–241 (0,5 п. л.).
9. Берлов, А. В. Взгляды ученых - неонародников русской эмиграции на аграрное развитие России (1920-1930-е гг.) / А. В. Берлов // Пространство и Время. – 2015. – № 1–2. (19–20) – С. 273–278 (0,6 п. л.).
10. Берлов, А. В. Идеиные основы аграрной теории С. С. Маслова (научная мысль русской эмиграции 1920-1930-х гг.) / А. В. Берлов // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 182–187 (0,5 п. л.).
11. Берлов, А. В. Развитие русской аграрно-научной мысли в эмиграции на примере деятельности экономического кабинета С. Н. Прокоповича (1922-1938 гг.) / А. В. Берлов // Право и образование. – 2015. – № 8. – С. 146–155 (0,6 п. л.).
12. Берлов, А. В. Аграрный вопрос в общественно-политической мысли русской эмиграции 1920-х гг. / А. В. Берлов // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2015. – № 1–2. – С. 50–54 (136–137) (0,4 п. л.).
13. Берлов, А. В. Историография российской аграрной научной мысли в русском зарубежье 1920–1930-х гг. / А. В. Берлов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 3. – С. 19–26 (0,6 п. л.).
14. Берлов, А. В. Эволюция аграрной теории Б. Д. Бруцкуса в эмиграции в 1920-1930-е гг. / А. В. Берлов // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2015. – № 1 (36) – С. 233–242 (0,6 п. л.).
15. Берлов, А. В. Влияние экономических взглядов М. И. Туган-Барановского на развитие аграрной мысли русского зарубежья (1920-1930-е гг.) / А. В. Берлов // Пространство и Время. – 2014. – № 2 (16) – С. 225–230 (0,6 п. л.).
16. Берлов, А. В. Представители либеральной экономической школы русской эмиграции 1920-1930-х гг. о путях решения крестьянского вопроса в России в начале XX века / А. В. Берлов // Пространство и Время. – 2014. – № 1 (15) – С. 161–165 (0,5 п. л.).

17. Берлов, А. В. Центры российской аграрно-научной эмиграции в Европе (1917-1939 гг.) / А. В. Берлов // Армия и общество. – 2014. – № 5 (42) – С. 39–45 (0,8 п. л.).

18. Берлов, А. В. Ученые неонароднической школы русской эмиграции о социально-экономической жизни российского крестьянства 1920-1930-х гг. / А. В. Берлов // Армия и общество. – 2014. – № 4 (41) – С. 61–66 (0,5 п. л.).

19. Берлов, А. В. Неонародническая школа российской аграрной науки в эмиграции в 1922-1929 гг. / А. В. Берлов // Армия и общество. – 2014. – № 3 (40) – С. 54–58 (0,4 п. л.).

20. Берлов, А. В. Русские ученые либеральной школы аграрной эмиграции о деятельности П. А. Столыпина / А. В. Берлов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 3 (83) – С. 48–53 (0,5 п. л.).

21. Берлов, А. В. Новая экономическая политика большевиков в оценках ученых русской эмиграции 1920-х гг. / А. В. Берлов // Вестник Екатеринбургского института. – 2013. – № 4 (24) – С. 77–82 (0,4 п. л.).

22. Берлов, А. В. Реформы П. А. Столыпина в оценках российских ученых-эмигрантов либеральной школы (1920-1930-е гг.) / А. В. Берлов // Власть. – 2013. – № 7. – С. 159–162 (0,4 п. л.).

23. Берлов, А. В. Российские учебные заведения эмигрантов-аграрников в Праге (1920-1930-х гг.) / А. В. Берлов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: «История и политические науки». – 2010. – № 1. – С. 69–73 (0,3 п. л.).

24. Берлов, А. В. Концептуальные взгляды А. В. Пешехонова на аграрное будущее России / А. В. Берлов // Вестник Военного университета. – 2010. – № 2. – С. 74–78 (0,5 п. л.).

Монографии, сборники документов и материалов, научные издания

25. Берлов, А. В. Российская аграрно-научная эмиграция в Европе в 1920-1930-х гг. (монография) / А. В. Берлов. – М.: Граница, 2014. – 198 с. (13,4 п. л.).

26. Берлов, А. В. Концептуальные основы исследования аграрно-научной эмиграции в Европе в 1920-1930-х гг. (монография) / А. В. Берлов. – М.: Типография Военного университета, 2015. – 84 с. (5 п. л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях

27. Берлов, А. В. Ученые русской эмиграции в Европе в 1920-е гг. об экономических аспектах поведения крестьянства / А. В. Берлов // Социальный мир деревни X – XXI вв.: земельные собственники / землевладельцы и земледельцы: материалы XXXVII сессии симпозиума по аграрной истории

Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. (Воронеж, 22–25 сентября 2020 г.) – М.: ИРИ РАН, 2020 – С. 209–212 (0,3 п. л.).

28. Берлов, А. В. Вклад русской эмиграции в научную аграрную мысль в Европе (1920-1939 гг.) / А. В. Берлов // Государственная власть и крестьянство в XIX - начале XXI века: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25 октября 2019 г.) – М. : Институт Российской истории РАН, 2020. – С. 230–235 (0,4 п. л.).

29. Берлов, А. В. Ученые русского зарубежья 1920–1930-х гг. о будущем российского крестьянства начала XX в. / А. В. Берлов, Е. К. Минеева // Региональное измерение аграрной модернизации в России: материалы VIII всерос. (XVI региональной) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск, 16–17 сентября 2020 г.) / Отв. ред. Г. А. Куршева. – Саранск: НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2020. – С. 382–389 (0,6 п. л. / 0,3 п. л.).

30. Берлов, А. В. Ученые русской эмиграции 1920–1930-х гг. о новой экономической политике в Советской России / А. В. Берлов // Общество и власть в Императорской России, СССР и современной Российской Федерации : материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти доктора исторических наук, почетного профессора МПГУ и РГУ им. С.А. Есенина, заслуженного деятеля науки РФ Э. М. Щагина (Москва, 16–17 октября 2014 г.) – М. : Московский педагогический государственный университет, 2018. – С. 220–225 (0,4 п. л.).

31. Берлов, А. В. Частная собственность на средства производства в сельском хозяйстве Советской России в оценках ученых-экономистов русской эмиграции 1920-1930-х годов / А. В. Берлов // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 2017 год. – М.; Брянск : Новый проект, 2018. – С. 187–194 (0,4 п. л.).

32. Берлов, А. В. Ученые-неонародники русской эмиграции 1920-1930-х гг. о социально-экономической жизни русского крестьянства / А. В. Берлов // Советское общество: идеи, результаты и оценки : материалы всерос. науч. конф. (Москва, 7–8 ноября 2016 г.). – М. : МПГУ, 2017. – С. 65–73 (0,5 п. л.).

33. Берлов, А. В. Новая экономическая политика Советской власти в трудах ученых русской эмиграции 1920-1930-х гг. / А. В. Берлов // Актуальные проблемы российской и мировой истории в научных работах членов военно-научного общества Военного университета : сб. материалов II науч.-практ. конф. – М. : Военный университет, 2017. – С. 124–133 (0,4 п. л.).

34. Берлов, А. В. Демографические процессы в сельской России в 1917 – 1940 гг. в оценках ученых русской эмиграции / А. В. Берлов // Ежегодник

по аграрной истории Восточной Европы. – 2016. – № 1. – С. 365–372 (0,4 п. л.).

35. Берлов, А. В. Ученые российской эмиграции 1920-1930-х гг. об аграрной политике советской России / А. В. Берлов // Историческое место советского общества: материалы всерос. науч. конф.. – М. : МПГУ, Институт истории и политики, 2016. – С. 90–97 (0,5 п. л.).

36. Берлов, А. В. Научное наследие М. И. Туган-Барановского в трудах русских ученых аграрной эмиграции (1920-1930-х гг.) / А. В. Берлов // Марийский археографический вестник. – 2015. – № 25. – С. 36–43 (0,5 п. л.).

37. Берлов, А. В. Научная мысль русской эмиграции 1920-1930-х годов / А. В. Берлов, С. А. Рудаев // Методический сборник ВА РВСН им. Петра Великого. – 2015 – № 3. – С. 90–97 (0,8 п. л. / 0,4 п. л.).

38. Берлов, А. В. Фискальная политика Советской России в деревне в оценках ученых русской эмиграции 1920-1930-х гг. / А. В. Берлов // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2014. – № 1. – С. 331–342 (0,8 п. л.).

39. Берлов, А. В. Н. П. Макаров о российском крестьянском хозяйстве начала XX века / А. В. Берлов // Симбирский научный вестник. – 2014. – № 1. – С. 9–14 (0,3 п. л.).

40. Берлов, А. В. Деятельность неонароднической школы русской аграрной науки в Европе в 1922-1939 гг. / А. В. Берлов // Военный академический журнал. – 2014. – № 4 (4) – С. 42–45 (0,4 п. л.).

41. Берлов, А. В. Взгляды А. Н. Челинцева на аграрное будущее России / А. В. Берлов // Актуальные проблемы Российской истории: современное научное видение : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – М. : Военный университет, 2014. – С. 69–76 (0,5 п. л.).

42. Берлов, А. В. Аграрная концепция А. Н. Челинцева / А. В. Берлов // Электронный научный журнал Проблемы безопасности [Электронный ресурс]. – 2013 – № 1 (19) – С. 9–10 (0,6 п. л.).

43. Берлов, А. В. Крестьянский вопрос в трудах Н.П. Макарова / А. В. Берлов // Крестьянский мир: новые источники и методологические подходы : вторые чтения, посвященные 90-летию со дня рождения профессора Хамзы Фатыховича Усманова (Уфа, 30 сентября 2013 г.). – Уфа : Альфа-реклама, 2013. – С. 47–54 (0,5 п. л.).

44. Берлов, А. В. Деятельность экономического кабинета С.Н. Прокоповича / А. В. Берлов // Проблемы толерантности в современном мире. – Орел : Орловский государственный университет, 2010. – С. 48–52 (0,3 п. л.).

45. Берлов, А. В. Создание русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге / А. В. Берлов // Вестник Орловского государственного университета. Серия: «Новые гуманитарные исследования». – 2009. – № 4 (8) – С. 309–311 (0,3 п. л.).

46. Берлов, А. В. Создание русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге / А. В. Берлов // Российская история XX- начала XXI вв.: социально-экономические, общественно-политические, культурологические аспекты исследования : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Орехово-Зуево, 27-28 ноября 2009 г.) – Орехово-Зуево: МГОГИ, 2009. – С. 130–134 (0,3 п. л.).

47. Берлов, А. В. Создание всероссийского кооперативного института / А. В. Берлов // Что изучает и чему учит история: актуальные проблемы политической и социальной истории России : материалы межвузовской науч. конф. (Москва, 01 января-31 декабря 2009 г.). – М. : ООО «Издательство «Спутник+», 2009. – С. 310–312 (0,2 п. л.).

48. Берлов, А. В. Рождение и гибель русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге / А. В. Берлов // История и современность глазами молодых: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Железнодорожный, 11 апреля 2009 г.) – М.: Российский Государственный Гуманитарный Университет, 2009. – С. 167–171 (0,3 п. л.).

49. Берлов А. В. Русский институт сельскохозяйственной кооперации в Праге / А. В. Берлов // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы). Часть 2. – М.: Прометей, 2008. – С. 148–153 (0,3 п. л.).

Берлов Артур Валерьевич

**РОССИЙСКАЯ АГРАРНО-НАУЧНАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЕВРОПЕ
(1922–1939 гг.)**

Специальность 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Подписано в печать 01.07.2021 г. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Усл. печ. л. 2,0. Тираж 100 экз.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ОПБ-Принт»
107078, г. Москва, Мясницкий проезд, д.4, стр. 1;
www.opb-print.ru; ИНН 7715893757